

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.4>

UDC 903'1:903.5(470.6)

LBC 63.442.7(235.7)-413

Submitted: 24.03.2025

Accepted: 14.04.2025

EQUESTRIAN AND HORSEMEN BURIALS OF THE 4th–3rd CENTURIES BC FROM THE BURIAL GROUND OF STAROKORSUNSKAYA-2 SETTLEMENT¹**Natalya Yu. Limberis**

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Ivan I. Marchenko

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. Fifteen horsemen burials dating to the 4th–3rd centuries BC were excavated at the Starokorsunskoye-2 burial ground. The burials were made in wide rectangular pits, occasionally discernible only as soil discolorations. The deceased horsemen were interred stretched out on their backs, with their heads to the southeast or east-southeast. The buried were accompanied by horses, placed to the right or at the feet of the owner. In some cases, the whole carcass of a horse was replaced by a skin (stuffed animal) with cranial and limb elements. In two burials, equine skeletal remains were missing, but harness components were found in all the burials. In addition, grave goods comprised diverse inventory artifacts: weapons, amphorae and other imports, local pottery, and other items. The standard bridle assemblage consisted of two-piece bits with rigid cheek-devices and cheek-pieces of different types: two-hole rod-shaped, C-shaped, S-shaped, and paddle-shaped varieties. Protective horse equipment is represented by headplates and cheekplates. Warrior accoutrements incorporated Sindo-Maeotian-type swords, spears, arrows, and occasionally darts and combat knives. The general chronology of the burials is limited to the second quarter of the 4th to early 3rd century BC. Precise dating of most of the complexes is set within a quarter of a century on the basis of joint finds of Greek amphorae from different Mediterranean production centers. In general, the material shows that during the 4th–3rd centuries BC, the Maeotians, who inhabited one of the largest settlements on the right bank of the Lower Kuban, maintained a stratified social structure with an equestrian elite. Their well-equipped cavalry was not inferior to a similar military contingent from the eastern frontiers of the Asian Bosphorus and in the Trans-Kuban regions in either quality or sophistication.

Key words: Kuban region, Maeotians, subsoil burial ground, horses, horseman, bridle equipment, weapon, chronology.

Citation. Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2025. Zahoroneniya loshadey i vsadnikov IV–III vv. do n.e. iz mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 [Equestrian and Horsemen Burials of the 4th–3rd Centuries BC from the Burial Ground of Starokorsunskaya-2 Settlement]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 3, pp. 95-128. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.4>

УДК 903'1:903.5(470.6)

ББК 63.442.7(235.7)-413

Дата поступления статьи: 24.03.2025

Дата принятия статьи: 14.04.2025

ЗАХОРОНЕНИЯ ЛОШАДЕЙ И ВСАДНИКОВ IV–III вв. до н.э. ИЗ МОГИЛЬНИКА СТАРОКОРСУНСКОГО ГОРОДИЩА № 2¹**Наталья Юрьевна Лимберис**

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Иван Иванович Марченко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. На могильнике Старокорсунского городища № 2 исследовано 15 всаднических погребений IV–III вв. до н.э. Погребения совершались в широких прямоугольных ямах, которые в ряде случаев были

прослежены по пятнам. Всадники лежали вытянуто на спине, головой на юго-восток или восток-юго-восток. Погребенных сопровождали лошади, положенные справа от хозяина или в его ногах. В некоторых случаях целая туша лошади заменялась шкурой (чучелом) животного с головой и ногами. В двух захоронениях кости лошади отсутствовали, но детали конской сбруи были найдены во всех погребениях. Кроме того, погребения сопровождалось разнообразным инвентарем: оружием, амфорами и другими импортами, местной керамикой и пр. Обычный набор конской узда состоял из двусоставных петельчатых удиц, снабженных строгими насадками и псалиями разных типов: двухдырчатыми стержневидными, С-образными, S-образными и лопастьными. Защитное конское снаряжение представлено пластинчатыми налобниками и нашечником. В экипировку всадников входили мечи синдо-меотского типа, копья, стрелы, иногда дротики и боевые ножи. Общая хронология погребений ограничивается второй четвертью IV – началом III в. до н.э. Узкие датировки большинства комплексов по совместным находкам греческих амфор разных средиземноморских центров производства устанавливаются в пределах четверти столетия. В целом материал показывает, что в IV–III вв. до н.э. меоты, населявшие одно из крупных городищ правобережья Нижней Кубани, имели стратифицированное устройство общества, к элите которого относились всадники. Хорошо экипированная конница ничем не уступала аналогичному воинскому контингенту из пунктов, расположенных у восточных границ Азиатского Боспора и в Закубанье.

Ключевые слова: Прикубанье, меоты, грунтовый могильник, лошадь, всадник, конская узда, оружие, хронология.

Цитирование. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2025. Захоронения лошадей и всадников IV–III вв. до н.э. из могильника Старокорсунского городища № 2 // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 3. С. 95–128. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.4>

Старокорсунское городище № 2 расположено в 4 км к востоку-северо-востоку от ст-цы Старокорсунской (Карасунский округ г. Краснодара), на северном берегу Краснодарского водохранилища (правый берег р. Кубань). На этом меотском памятнике Краснодарская археологическая экспедиция КубГУ ведет регулярные раскопки почти 40 лет – с 1987 года. Грунтовый могильник городища, благодаря огромному количеству исследованных погребений (на данное время их 1 072), хронология которых охватывает период с конца VII в. до н.э. примерно до середины III в. н.э., стал эталонным для изучения меотской культуры Прикубанья, расцвет которой приходится на IV – первую половину III в. до н.э. Погребений этого периода немного (всего 75), и большинство относится к IV в. до н.э. Из этого количества 30 погребений принадлежали вооруженным воинам, половина из которых были всадниками.

Материалы большинства рассматриваемых в настоящей работе погребений были изданы ранее [Лимберис, Марченко, 2005; 2007], но в этих работах, посвященных хронологии керамических комплексов, не анализировались предметы конского снаряжения и экипировки всадников. Не все захоронения сопровождалось лошадьми, однако в каждом были найдены основные детали конской

узды – удила, строгие насадки и псалии. Кроме узды, в погребениях присутствовал многочисленный и разнообразный инвентарь: амфоры, чернолаковые сосуды и другие импортные вещи, местная керамика, оружие, украшения, предметы туалета и пр. В связи с этим, некоторые захоронения в древности были подвержены разграблению.

Погребения совершались в широких прямоугольных ямах, которые в ряде случаев были прослежены по пятнам. Всадники лежали вытянуто на спине, головой на юго-восток или восток-юго-восток. Из общей массы выделяется только поза мужчины (Uvenis, 20–22 года)² в погребении 41в, лежавшего головой на восток: его левая нога была согнута в колене под прямым углом, левое плечо поднято, правый локоть выставлен в сторону (рис. 1, I). В захоронениях 41в, 93в (мужчина, Adultus), 44в и 356з (пол не определен из-за плохой сохранности) человека сопровождала взнузданная лошадь (примерно 1,5–2 года)³, положенная на живот, с подогнутыми ногами, справа от погребенного (рис. 2, I, 4, I, 14, I). В погребении 46в лошадь лежала на правом боку в ногах хозяина (мужчина, Adultus-Maturus), а шея и голова были развернуты влево (рис. 3, I). В двух случаях (237в, 238в) целая туша лошади была заменена шкурой (чучелом) животного с головой и ногами. В по-

гребении 238в были захоронены мужчина и женщина, справа от которой располагалась шкура лошади (рис. 8,1). Лошадей или чучело укладывали головой в том же направлении, что и всадников.

Парным было и погребение 24в, где после ограбления сохранились два неполных человеческих черепа (взрослый и детский), несколько костей лошади и половина удила. В погребении 99в кости человека (мужчина, *Maturus-Senilis*) и лошади были перемешаны на разных уровнях с разбитыми сосудами, в заполнении среди которых найден железный псалий.

В двух захоронениях не было лошадей, но конская узда присутствовала. В погребении 294з удила с псалиями были найдены в заполнении могильной ямы. В погребении 239в, совершенном на двух уровнях и ограбленном в древности, на дне могильной ямы лежали скелеты женщины 25–30 лет и ребенка 8–10 лет, над ними – разрушенный скелет мужчины 50–55 лет (рис. 9). Удила находились среди сваленного на верхнем уровне инвентаря, у правого плеча погребенного.

Погребение 237в, вероятно, представляет собой кенотаф: здесь была захоронена шкура лошади, расположенная черепом на восток, с двумя парами удила, амфорами и сероглиняной керамикой (рис. 7,1). В погребениях 223в (рис. 6,1), 102в и 650з обнаружены только лошади с предметами узды. Первое из них находилось на краю обрыва, так что скелет человека мог и обвалиться, а два других ограблены, частично сохранились только кости лошади.

В погребении 118з сохранились удила с псалиями и другой инвентарь, вероятно, находившийся в ногах человека (рис. 11,1), скелет которого обрушился в водохранилище. Не исключено, что и скелет лошади (если он был) также мог обвалиться, но детали узды лежали среди сохранившихся сосудов.

Обычный набор конской узды состоял из двусоставных петельчатых удила, снабженных строгими насадками и псалиями разных типов.

В погребении 93в в зубах лошади находились простые удила без насадок и псалиев (рис. 4,7). От удила из погребения 238в сохранились только грызла без внешних петель (рис. 8,8), а в погребении 102в – половина зве-

на удила (рис. 15,10). Удила из остальных погребений дополнялись крестовидными насадками и псалиями.

На грызлах некоторых удила имеются утолщения-ограничители для строгих крестовидных насадок, которые не позволяли насадкам соскальзывать в рот лошади. Однако сами насадки на удилах не всегда присутствуют. Грызла удила из погребений 44в и 223в имеют по две крестовидные насадки и хорошо выделенные утолщения, ограничивающие их движение; псалии в этих удилах отсутствовали (рис. 2,2,6,3). Удила из погребения 46в, также с выраженными утолщениями на грызлах, не имели крестовидных насадок, в кольца были продеты стержневидные псалии (рис. 3,7). Грызла удила без выделенных ограничителей (239в, 356з, 650з), могли просто утолщаться к внешнему кольцу, ограничивая движение насадок (рис. 10,2, 14,5, 15,13).

Появление строгих крестовидных насадок у меотов правобережья Кубани зафиксировано с первой половины V в. до н.э. Нами было выделено 4 варианта строгих насадок (А, В, С, D) и обоснована их хронология [Лимберис, Марченко, 2019, с. 161 и далее].

Крестовидными насадками без псалиев были снабжены удила из погребений 44в, 223в и 239в. Насадки удила из погребения 223в и 239в относятся к варианту В – концы их раскованы в широкие лопасти с мелкими зубцами (рис. 6,3, 10,2). Удила из погребения 44в с одной стороны имели насадку варианта В, а с другой – насадку варианта А с узкими шипами (рис. 2,2).

В трех наборах узды крестовидные насадки совмещены с псалиями.

В погребении 237в было найдено две пары удила: одни (с двухдырчатыми стержневидными псалиями) находились в зубах лошади (рис. 7,3), вторые лежали в стороне в сложенном виде (рис. 7,2). Первая пара имеет с одной стороны крестовидную насадку с маленькими плоскими загнутыми концами (вариант А). Вторая пара – без псалиев, и снабжена такой же крестовидной насадкой с вырезом на уплощенных загнутых концах. Интересно, что насадки надеются непосредственно на стержень, загибающийся в петлю. Этот способ продевания насадок в петлю был замечен К.Ф. Смир-

новым [Смирнов, 1953, с. 37, рис. 13,а,в], и встречается он чрезвычайно редко.

Половина удила с двухдырчатый псалием во внешней петле и крестовидной насадкой сохранилась в погребении 118з (рис. 11,4). Следов утолщения-ограничителя на стержне удила не отмечено. Крестовидная насадка – с маленькими загнутыми заостренными концами (вариант А).

На удила из погребения 650з с одной стороны была надета крестовидная насадка, а в кольцо продет двухдырчатый псалий (рис. 15,12,13). С другой стороны насадки не было, но сохранился фрагмент такого же псалия. Крестовидная насадка в виде квадратной пластины с отогнутыми по углам заостренными шипами относится к варианту С. Удила с устражающими насадками этого варианта в меотских памятниках встречаются редко. Еще две пары происходят из погребений 159 и 296 Прикубанского могильника [Лимберис, Марченко, 2019, с. 168, рис. 4,1].

Псалии использовались железные двухдырчатые, с 8-образным расширением в центре. Среди них чаще всего встречаются стержневидные: круглые, прямоугольные или почти квадратные в сечении.

В погребении 118з оба стержневидных псалия сохранились наполовину. Один из них – с прямыми концами. У второго на конце стержня имеется прилитый бронзовый шарик (рис. 11,4,4а). Подобные биметаллические псалии с бронзовыми окончаниями в виде шариков или конических «шишечек» известны в конских погребениях курганных святилищ Тенгинского городища II, которые В.Р. Эрлих датирует второй половиной IV – началом III в. до н.э. Хронологию этих святилищ исследователь расширил до начала третьего столетия, так как, по его мнению, в этих комплексах чувствуется восточное приуральское «сарматское» влияние в некоторых предметах искусства, проявившееся в «биметаллизме» псалиев и украшениях [Эрлих, 2011, с. 57, 81, рис. 102,2–5].

Однако биметаллические псалии известны и в более ранних меотских комплексах. Так, из погребения 14 Почтового могильника происходят удила с S-видными псалиями, на концах которых имеются бронзовые шарики.

Совместно встречена амфора Икоса второй четверти IV в. до н.э. [Лунев, 2010, с. 364–365, 369, рис. 10,6; Монахов и др., 2022, с. 112, Кн.1]. Удила из погребения 167 Прикубанского могильника также были снабжены S-видными биметаллическими псалиями. Центральная часть – железная, а изогнутые стержни – бронзовые, концы заканчиваются коническими «шишечками». По амфорам Гераклеи и Менды комплекс датируется 390-ми – началом 380-х гг. [Монахов и др., 2021, с. 30, НР.1, Мд.4]. Таким образом, появление биметаллических псалиев у меотов относится к более раннему времени, и вряд ли связано с восточным влиянием.

В погребении 24в сохранился один стержневидный псалий, с коническими «шишечками» на концах. Интересно, что надет он непосредственно на внешнюю петлю удила через одно из отверстий (рис. 15,1). Такие же псалии, только более длинные, происходят из погребения 46в (рис. 3,7); еще две пары псалиев с ровными или немного расширяющимися к концам стержнями – из погребений 41в (рис. 1,4) и 237в (рис. 7,3).

Два набора узды были снабжены S-образными (серповидными) псалиями. У пары псалиев из погребения 294з концы плавно загнуты, оформлены в виде копытца, сечение круглое. На одном из псалиев у отверстий расположены два острых выступа, направленных внутрь, которые служили элементом устрожения (рис. 12,3). Такие псалии известны в скифских комплексах [Могилов, 2010, с. 286, рис. 3,1–3]. Концы псалия из погребения 356з украшены кривой спиралевидной нарезкой. Часть удила с псалием, концы которого оформлены аналогичным образом, была найдена в кургане 30 у аула Начерзий в Закубанье вместе двумя амфорами с грибовидным венцом, относимыми ранее к типу Солоха I [Ждановский, 2006, с. 89, 92, табл. 6,2, 9,2,3]. Целая амфора морфологически близка «чередниковому» варианту (I-D) книдской тары, который С.Ю. Монахов раньше датировал второй – третьей четвертями IV в. до н.э., а в настоящее время сузил его хронологию до второй четверти столетия [Монахов, 2003, с. 104, 110, табл. 72; Монахов и др., 2021, с. 198, Кн.9; Монахов и др., 2022, с. 34, 134, Кн.3, Кн.4].

Железные псалии серповидной формы с поперечным рифлением и конусовидными «шишечками» на концах встречаются в склеповых могильниках и святилищах Северного Кавказа, которые исследователи датируют III–II вв. до н.э. [Прокопенко, Рудницкий, 2023, с. 205–206, рис. 12,5,6].

S-видные псалии из погребения 650з представлены целым экземпляром со слегка утолщенными окончаниями и фрагментом второго псалия с конической «шишечкой» на конце (рис. 15,12).

Вышеназванные три типа железных двухдырчатых псалиев широко использовались меотами [Галанина, 2005, с. 100; Галанина, 2010, с. 108; Эрлих, 2011, с. 54], как и во всем скифском мире, особенно в IV в. до н.э.

К редкому типу двухдырчатых псалиев относится единственный двухлопастной экземпляр из погребения 99в (рис. 15,2). Лопастни, расположенные в разных плоскостях по отношению к центральной части псалия, довольно резко расширяются к концам (трапециевидные), а перехват между отверстиями выглядит довольно сглаженным. Псалии этого типа из погребений 19 и 177 середины II в. до н.э. Тенгинского могильника отличаются четким перехватом посередине 8-образного расширения [Беглова, Эрлих, 2018, с. 137], так же как и аналогичные псалии из памятников Центрального Предкавказья, где период их существования охватывает III–I вв. до н.э. [Абрамова, 1993, с. 78, рис. 25,7,10; Прокопенко, Рудницкий, 2023, с. 192, 205, рис. 1,6].

В погребении 223в, кроме двухзвенных удил с крестовидными насадками варианта В, присутствовал уникальный набор из шести комплектов одногрызловых удил с псалиями двух разных типов [Лимберис, Марченко, 2022, с. 269–271]. Удила имеют перекрученные («ложновитые») грызла с загнутой петлей на одном конце и добавочным кольцом – на другом. Три комплекта снабжены двухдырчатыми псалиями, с прямыми кручеными стержнями, оканчивающимися округлыми «шишечками» (рис. 6,4,6,7,10). В петли трех остальных вставлены двухдырчатые, слегка изогнутые, лопастные псалии с вырезами по краю и подвесками в виде лунниц и конусов. При этом лопасти серповидной формы развернуты не плоскостью, а ребром к центральной части

псалия (рис. 6,5,8,9). Отдаленное сходство с этими псалиями имеет Г-образный псалий с расположенными в разных плоскостях лопастными окончаниями из святилища кургана № 2 Тенгинского могильника второй половины IV – начала III в. до н.э. [Эрлих, 2011, с. 48, 55, 81, рис. 100,4].

Лопастные псалии из погребения 223в никак нельзя отнести к псалиям с «флажковидными» окончаниями, с которыми сопоставили их Ю.А. Прокопенко и Р.Р. Рудницкий [Прокопенко, Рудницкий, 2023, с. 206, рис. 11,7], разве что по наличию «волнообразного» края и отверстиям для подвесок. Наиболее похожие конструктивно и стилистически псалии с конусовидными подвесками и головками грифонов на концах изогнутых лопастей происходят из комплекса предметов конского убора, случайно обнаруженных в верховьях р. Большая Лаба, который автор публикации датировал второй половиной III – началом II в. до н.э. К этому комплексу отнесены также удила с крестовидными насадками и часть бронзового пластинчатого нагрудника [Прокопенко, 2016, с. 39–40, 43, рис. 2].

Защитное конское снаряжение представлено бронзовыми пластинчатыми налобниками выделенных нами типов 1 и 2 [Лимберис, Марченко, 2005а, с. 162–163, 166, рис. 1, 2]. В разграбленном в древности погребении 102в сохранилась средняя часть налобника типа 1 (с круглой верхней частью и трапециевидно вытянутой нижней), с тремя кругами циркульного орнамента и пластинчатой петлей на двух заклепках на внутренней стороне (рис. 15,9). В погребении 238в целый налобник типа 2 (с симметричными веерообразно расширенными концами и прогнутыми сторонами) лежал непосредственно на черепе лошади. Крепился налобник к оголовью при помощи двух пластинчатых петель на двух заклепках: одна – сверху, а вторая – по центру налобника с внутренней стороны (рис. 8,6). Длина пластины – 34,6 см, ширина на концах – около 24 см, в средней части – 8,9 см.

Ближайшим к Старокорсунскому городищу № 2 меотским памятником, где были найдены налобники обоих типов, является могильник «у селища № 5» хут. Ленина. Сохранившиеся материалы этой коллекции были нами изучены⁴. Памятник по составу амфор-

ной тары, типам чернолаковых сосудов, наборам местной керамики, вооружения и конской узды аналогичен Прикубанскому могильнику IV – начала III в. до н.э., хронология которого определена датировками более чем трехсот амфор различных центров производства [Монахов и др., 2021].

Данные из разных прикубанских памятников позволили нам ограничить период использования меотами налобников обоих типов второй половиной IV – началом III в. до н.э. [Марченко, Лимберис, 2009, с. 71–73].

С обоснованной нами хронологией налобников не согласился А.В. Симоненко, который считает, что наша датировка некорректна, так как опирается на «сомнительный», по его мнению, материал из погребений 65, 111 и 240 могильника у селища № 5 хут. Ленина, где налобники «якобы» были найдены с амфорами типа Солоха I, но проверить наше сообщение он не может, так как коллекция утрачена. Опубликованный же нами комплекс погребения 238в могильника Старокорсунского городища № 2 [Лимберис, Марченко, 2007, с. 71, 77, 78, рис. 11,3,4, 14,1] исследователь проигнорировал. В то же время А.В. Симоненко в качестве аргумента в пользу предлагаемой им поздней датировки налобников приводит комплексы из кургана Новолабинского городища IV и склепа Татарского городища, хронология которых не подкреплена амфорным или другим надежно датированным материалом. Странно, что автор, ссылаясь на работу Б.А. Раева и Г.Е. Беспалого, почему-то не заметил статью А.М. Ждановского о Начерзиевском комплексе с налобником типа 2 и амфорами Солоха I [Ждановский, 2006, с. 89, 92, табл. 6,1, 9,2,3]. Свой основной вывод автор сформулировал очень четко: «*Мне кажется* (курсив наш. – Н. Л., И. М.), что совокупность всех данных и сопутствующий инвентарь указывают на III в. до н.э. как на время появления таких налобников, а бытовали они, судя по находкам, вплоть до конца II в. до н.э.» [Симоненко, 2015, с. 272–274].

В настоящее время уточненная хронология амфорной тары позволяет предположить, что датировка налобников типа 2 у меотов Прикубанья, возможно, не выходит за пределы второй – последней четверти IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2023, с. 120]. Развитие же налобников типа 1 продолжалось, и его

поздние варианты могли существовать и в первой половине III в. до н.э. В меотских же памятниках второй половины III в. до н.э. подобные налобники (как 1, так и 2 типа) не были встречены.

К деталям конской сбруи относится бронзовый нащечник из погребения 46в, вырезанный из тонкой прокованной пластины (рис. 3,9). Концы, закрученные в разные стороны, имеют в центре выпуклые окружности, на одной из которых (большей по диаметру) пробиты два маленьких отверстия для крепления, сохранился и бронзовый штифт. Под волютами с обеих сторон расположены острые выступы. Края пластины орнаментированы пуансоном. Длина – 11, 5 см.

Аналогичных изделий нам не известно. Но характерная волютообразная (S-видная) форма пластины и остроугольные выступы напоминают о бронзовых литых зооморфных нащечниках типа 1 Мордвиновско-уляпского второй четверти IV в. до н.э., изображающих фантастических «петушков-гиппокампов» [Канторович, 2022, т. 1, с. 316–318, т. 2, с. 126]. Два подобных нащечника (тип II по Ю.А. Прокопенко) с выступами, имитирующими конечности или плавники изображенных на них фантастических существ, были найдены в окрестностях г. Ставрополя [Прокопенко, 2021, с. 473–475, рис. 3,3,4]. Старокорсунский нащечник, похожий на них по форме и рудиментарным остроугольным выступам, представляет собой изделие, несомненно, подражающее оригинальным образцам литых нащечников.

Основным видом вооружения меотских воинов (как всадников, так и пехотинцев) в IV–III вв. до н.э. были мечи синдо-меотского типа. В погребениях они всегда располагались слева от всадника, вдоль руки, острием к ногам. Целые мечи из погребений 41в, 44в, 93в и 238в – длинные (90–94,5 см), клинок равномерно сужается к острию. Края клинка у основания рукояти срезались под прямым углом, рукоять плоская (рис. 1,15, 4,13, 8,16). Более короткий меч из комплекса 294з (полная длина вряд ли более 70 см) имеет клинок равномерной ширины (6,5 см), сужающийся только на конце, рукоять в сечении уплощенно-овальная (рис. 12,12). Навершия мечей узкие, брусковидные, как правило, прямоугольного сече-

ния. Только меч из погребения 44в (длина 92 см) отличается навершием, изготовленным из отрезка круглого в сечении бруска (рис. 2,13), что не часто встречается у мечей синдо-меотского типа. Меч с таким навершием найден в погребении 242в этого же могильника [Лимберис, Марченко, 2007, с. 93, рис. 28,5] вместе с двумя амфорами (Синопы и малоазийских Эрифр), по которым и датирован первой четвертью III в. до н.э. [Монахов и др., 2022, с. 58, рис. 76].

А.В. Иванов, специально посвятивший доклад мечам с подобными навершиями («цилиндрическими» по терминологии автора), отнес к этому варианту 8 мечей из меотских памятников, ограничив их хронологию второй половиной IV в. до н.э. – второй третью III в. до н.э. [Иванов, 2010, с. 147, рис. 1]. В число таких мечей вошли два старокорсунских и меч из погребения 106 Пашковского могильника № 6. Однако в описании меча и на рисунке в отчете Н.В. Анфимов не отмечает особенностей в сечении брусковидного навершия. Более того, на полевой фотографии этого погребения хорошо видно, что навершие – прямоугольное в сечении [Анфимов, 1973, альбом 3].

В своей сводке А.В. Иванов учитывает также 4 меча с «цилиндрическими» навершиями из Закубанья. Здесь они появились раньше, чем на правобережье. Меч из кургана 30 у аула Начерзий имеет «брусковидное навершие с округленными концами» [Ждановский, 2006, с. 90, табл. 1,3]. Этот комплекс А.В. Иванов датировал по книдской амфоре третьей четвертью IV в. до н.э. [Иванов, 2010, с. 147]. Сейчас, в связи с уточнением хронологии книдской тары (о чем мы писали выше), его следует отнести ко второй четверти этого столетия. Вряд ли следует включать в сводку мечей с навершием этого варианта меч из разрушенного погребения Псекупского могильника № 1. В публикации автора раскопок изображен меч с брусковидным навершием [Ловпаче, 1985, табл. XVII,1], но определить достоверно форму сечения навершия из-за мелкого масштаба невозможно. При увеличении оно больше похоже на ромбовидное.

Хронология мечей этого варианта, предложенная А.В. Ивановым, не вызывает больших возражений. Однако его предположение о появлении круглых в сечении брусковидных

наверший в связи с проникновением в Прикубанье мечей прохоровского типа с серповидным навершием вряд ли может быть поддержано. Главным аргументом в пользу своей гипотезы автор считает круглое сечение навершия, по его мнению, являющееся связующим звеном между прохоровскими и синдо-меотскими клинками. На этом основании он предполагает, что «меч с цилиндрическим навершием тесно увязан с генезисом меотского меча с серповидным навершием» [Иванов, 2010, с. 147–148], то есть, как мы понимаем, мечи синдо-меотского типа с «цилиндрическим» навершием под сарматским влиянием постепенно трансформировались у меотов в мечи с серповидным навершием.

По логике вещей, познакомиться с прохоровскими мечами в первую очередь должны были меоты правобережья Кубани. Однако ранние экземпляры мечей с круглым в сечении навершием пока зафиксированы на левобережье, где раньше второй половины III в. до н.э., или даже II в. до н.э. сарматских захоронений мы не знаем. Хронологический анализ меотских погребений, сопровождавшихся мечами с серповидным навершием, показывает, что самые ранние из них относятся ко второй четверти – середине III в. до н.э. и их появление у местных племен связано с сарматским влиянием [Лимберис, Марченко, 2020, с. 94–95]. Поэтому нам трудно согласиться с предположением А.В. Иванова, что серповидные навершия меотских мечей произошли от коротких брусковидных, пусть и круглых в сечении, наверший мечей синдо-меотского типа.

В погребении 41в присутствовало оружие особого вида – два боевых ножа (рис. 1,10,11). Такие железные ножи (обычно более 20 см длиной), как правило, связанные с предметами вооружения и чаще всего с мечами, мы выделили в категорию боевых, разделив их на два варианта. К первому варианту относятся однолезвийные ножи с прямой спинкой, ко второму – двулезвийные экземпляры с равномерно сужающимся к концу клинком. Оба ножа из погребения 41в относятся к первому варианту. Один из них – целый, длиной 22,6 см; длина второго восстановлена – 17 см. Ножи находились, вероятнее всего, в отделении колчана, так как располагались рядом с наконечниками стрел. Боль-

шое количество боевых ножей (11 экз.) длиной от 30 см до 42 см происходит из Прикубанского могильника, где они встречаются в комплексах, начиная с первой четверти IV в. до н.э., вплоть до начала следующего столетия [Лимберис, Марченко, 2018, с. 221–223; Лимберис, Марченко, 2024, с. 27, рис. 2, 10–15]. Такие ножи помещались в особых отделениях на ножнах мечей и колчанов, или в специальных чехлах.

Ножи длиной до 41 см встречаются в памятниках кобанской культуры. Ножи из погребения 120 Лугового могильника и из разрушенного комплекса у с. Шали В.И. Козенкова выделила в тип X и, вслед за В.Б. Виноградовым, отнесла к боевому оружию [Козенкова, 1982, с. 7, табл. II, 9]. В Закубанье этот вид оружия известен с раннемеотского времени. Два длинных ножа (длина – 31 см и 35,3 см) из Келермесского грунтового могильника связаны с погребениями второй половины VII – начала VI в. до н.э. [Галанина, 1985, с. 163, рис. 4, 11; Галанина, 1989, с. 85, рис. 15, 11]. Два ножа (длина – 22–23 см) из Уляпского могильника найдены в погребении 48 кургана 15 середины VI в. до н.э. Е.А. Беглова назвала их охотничьими. Ножи лежали в специальном чехле рядом с акинаком [Беглова, 1989, с. 146, рис. 3, 5, 6].

В.Е. Маслов совершенно правильно считает боевые ножи вспомогательным оружием, дополняющим мечи синдо-меотского типа. При этом, кроме ножей, он добавил в этот комплект и шилообразные стилеты. По его наблюдениям, этот «неопознанный» вид оружия для пробивания доспеха, встречается во всем ареале распространения синдо-меотских мечей. В числе находок из памятников Центрального Предкавказья и Южного Приуралья, автор приводит и «стилеть» из погребения 93в могильника Старокорсунского городища № 2 [Маслов, 2019, с. 141]. Однако этот предмет не может быть причислен к какому-либо виду оружия. По рисунку из нашей статьи, посвященной хронологии керамических комплексов из меотских могильников, где было дано изображение шила, вернее развертки, без его описания и размерных характеристик [Лимберис, Марченко, 2005, с. 252, рис. 14, 19, 24], В.Е. Маслов зачислил это орудие в разряд стилетов, так как оно лежало у локтя погребенного ря-

дом с мечом. Размеры этого предмета таковы: общая длина – 7,5 см, длина рабочей части – 5,3 см, сечение квадратное – 0,6 × 0,6 см.

Вызывает большое сомнение и «стилеть» из погребения 2 кургана 2 могильника Филипповка 2, на который ссылается В.Е. Маслов. Нахождение этого предмета не связано с мечом: авторы публикации отмечали, что неопределенный ими предмет находился справа у черепа скелета. Его длина – 11 см, толщина – 1 см [Рукавишникова, Яблонский, 2014, с. 121, рис. 3, 6]. Вряд ли подобные шилообразные предметы небольшой длины представляли собой стилеты, дополнявшие мечи синдо-меотского типа в качестве вспомогательного оружия.

Не исключено, что в качестве стилетов могли использоваться более длинные стержни, такие как штырь длиной около 30 см из погребения 7 кургана 1 Комаровского могильника, и штырь такой же длины из погребения 1 кургана 3 могильника Лысогорский-6, найденные с мечами синдо-меотского типа [Маслов, 2019, с. 141, рис. 4, 3, 4]. Однако вряд ли можно считать стилетом предмет из Шолоховского кургана, состоящий из двух заостренных, круглых в сечении штырей со втулками, в которые вставлена костяная рукоять-перехват. Размеры этого «ножа для метания» (длина одного клинка – 28 см, второго – 11 см, длина рукояти между ними – 5 см, наибольший диаметр клинков – 5 см), как условно назвал его В.Е. Максименко [Максименко, 1983, с. 113, рис. 13, 12], довольно внушительны для стилета. Штырь «с закругленным концом» из Комаровского могильника А.А. Туаллагов сравнил со штырем из Чегемского кургана-кладбища и на этом основании высказал предположение, что он мог служить пробивным оружием [Туаллагов, 2007, с. 160–161]. Однако штырь из погребения 4 Чегемского кургана-кладбища, длиной 30 см, на верхнем загнутом «в виде спирали» квадратном в сечении конце имеет насаженную пластинку с кольцом, а его нижний конец, круглый в сечении, изогнут серповидно и заострен. Совершенно очевидно, что подобная форма не позволяет использовать этот предмет в качестве стилета. Тем не менее Б.К. Кереев посчитал возможным отнести этот стержень к оружию для пробивания панциря. В погребении присутствовал меч с фигурным серповидным навер-

шим и фибула неапольского варианта, по которой комплекс можно датировать в пределах второй половины II – первой половины I в. до н.э. [Керефов, 1985, с. 193–194, 198, 200, рис. 5, 4, 11, 19; Кропотов, 2010, с. 50].

Наряду с мечами в оружейном наборе меотских всадников обязательно присутствовали копья, которые в количественном отношении занимают первое место. Железные наконечники копий разных типов были найдены в шести погребениях (41в, 44в, 46в, 93в, 238в, 239в), из которых только в двух (46в, 239в) отсутствовали мечи. Количество наконечников копий в погребениях – от 1 до 3-х. Копья, как правило, укладывались острием наконечника к голове погребенного, но в погребении 238в единственный наконечник лежал острием к ногам. В трех случаях наконечники копий лежали слева от погребенного, рядом с мечом (44в, 93в, 238в). В погребении 41в три наконечника лежали справа, на некотором расстоянии от черепа человека. Копья были положены вдоль туши лошади и наконечники находились у ее головы. Необычно располагались копья в погребении 46в. Два из них находились слева от погребенного: у плечевой кости и выше плеча, у черепа. Третье копье и дротик были уложены по диагонали могильной ямы, справа от погребенного.

Наиболее распространенными были наконечники копий с пером листовидной формы (отдел II), в основном плоские или ромбовидные в сечении (41в, 44в, 46в, 93в, 238в, 239в), что характерно для IV–III вв. до н.э. (рис. 1, 12–14, 2, 12, 3, 16, 17, 4, 10–12, 8, 15, 10, 1) Единственный наконечник треугольной формы (отдел III) был найден в погребении 46в (рис. 3, 15). Такие наконечники редко использовались меотами в этот период [Лимберис, Марченко, 2006, с. 156, 157, 162, 163, 164, 166, рис. 1, 2].

В два набора, кроме копий входило по одному дротику. Этот вид метательного оружия характеризуется пером небольшого размера пером и длинной втулкой, переходящей в верхней части в сплошной стержень. В погребении 46в был найден наконечник с треугольным пером, уплощенно-ромбовидного сечения, косо срезанным вверх от втулки (рис. 3, 18). Общая длина – 21,1 см, длина пера – 7,6 см, ширина пера – 2,9 см. Похоже,

что этот экземпляр представляет собой нечто переходное от наконечника легкого метательного копья к наконечнику дротика, хотя и близок к выделенному нами ранее I типу наконечников дротиков IV–II вв. до н.э., от которого он отличается сечением и оформлением срезов пера. Второй экземпляр (из погребения 93в) – с маленькой треугольной головкой, уплощенно-ромбовидной в сечении, и короткими опущенными шипами (рис. 4, 8). Общая длина – 18,5 см, длина пера – 5 см. По форме головки его нужно отнести к подтипу IIIa, хронология которого ограничивается IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2012, с. 411–412].

Как правило, в боевую экипировку меотских всадников входили лук и стрелы, наконечники которых были найдены в 8 погребениях. Наборы стрел представлены, практически исключительно, железными наконечниками одного типа – втульчатыми трехлопастными с маленькой или немного удлиненной треугольной головкой, основания лопастей срезаются горизонтально или скошены вверх. Средние размеры: общая высота – 2,2–3,1 см, высота головки – 1,1–1,6 см. В погребениях 41в (рис. 1, 2) и 93в (рис. 5, 13) наконечники стрел (11 и 33 экз. соответственно) помещались в колчанах рядом с мечом. Вероятно, такой же колчан был в ограбленном погребении 356з, где единственный железный наконечник (рис. 14, 2) лежал под сохранившейся частью клинка меча. Однако при наличии в погребении меча, колчан могли положить и в другом месте: в погребении 238в колчан с восемью стрелами (рис. 8, 3) располагался в ногах, а не рядом с мечом; в погребении 44в, в котором также был меч, 16 наконечников стрел (рис. 2, 3) лежали у стенки ямы между всадником и лошастью, вероятно, также в колчане. В ограбленном погребении 239в (без меча) 6 наконечников стрел (рис. 10, 3) были найдены слева от скелета мужчины под наконечником копья.

В погребении 46в, где не было меча, колчан со стрелами (более 30 экз.), находился у левого колена погребенного. Это единственный набор, в котором два бронзовых наконечника (трехгранный со скрытой внутренней втулкой и трехлопастной втульчатый) были найдены вместе с железными и одним костяным пулевидным (рис. 3, 4, 5, 6, 8) того же типа,

что и фрагмент в наборе из погребения 41в. Аналогичные наборы наконечников стрел широко представлены в погребениях всадников IV в. до н.э. Прикубанского могильника [Лимберис, Марченко, 2024, с. 25–27, рис. 2,4–9].

Интересны случаи, когда отдельные железные наконечники стрел, не связанные с колчанными наборами, находились на скелете человека или лошади. В погребении 44в наконечник стрелы лежал на грудной кости человека. Такой же наконечник застрял в шейных позвонках лошади. Вероятно, здесь был захоронен всадник, убитый в бою, лошадь под которым также пала от вражеской стрелы. На поле боя погибли и всадники из погребений 46в (наконечник стрелы был обнаружен под левым крылом таза, около крестца) и 239в (на скелете обнаружены два наконечника – у левой ключицы и лопатки). Два наконечника находились между ребер лошади в погребении 223в (рис. 6,2). Логично предположить, что она была убита, но не специально для погребения (в этом случае животное умертвили бы другим способом). Наконечник стрелы в погребении 93в (рис. 5,12) был найден среди разрубленных костей какого-то крупного грызуна, лежащих справа от погребенного под перевернутой вверх дном миской. Это животное, очевидно, было убито на охоте и положено в захоронение в качестве напуганной пищи.

Ворворки, найденные в погребениях всадников, бывают связаны как с лошастью, так и с человеком. В первом случае мы относим их к деталям конской упряжи, во втором – к ременной гарнитуре всадника

В погребении 41в высокая усеченно-коническая костяная ворворка (рис. 1,5) находилась под черепом лошади. В погребении 46в с лошастью связаны 3 костяных ворворки низкой усеченно-конической формы: одна лежала около бедренной кости левой задней ноги лошади, вторая – около путовой кости левой передней ноги, третья – под черепом лошади (рис. 3,2). Две такие же костяные ворворки были найдены на правом крыле таза человека и под правой кистью вместе с двумя бронзовыми полусферическими (рис. 3,3).

В погребении 93в четыре костяные ворворки связаны с мечом: две (круглая и прямоугольная) лежали около острия меча, круглая – на середине клинка, прямоугольная –

между клинком меча и левым предплечьем (рис. 5,1,2,3). Еще одна костяная ворворка находилась под черепом человека, в области шеи (рис. 5,11). На груди погребенного лежала массивная шестигранная бронзовая бусина. Эти предметы, вероятно, являются деталями портупейных ремней.

Единственная литая бронзовая ворворка усеченно-конусовидной формы с расширенным основанием лежала рядом с удилами в погребении 650з (рис. 15,11). Ворворки этого типа, служившие, по мнению исследователей, фиксаторами ремней оголовья лошади, широко были распространены в скифском мире в V–IV вв. до н.э., в том числе у меотов. Одна высокая и несколько низких усеченно-конических ворворок известны в курганах-святилищах Тенгинского городища II второй половины IV – начала III в. до н.э. [Эрлих, 2011, с. 62, рис. 106,7,8].

С упряжью, скорее всего, связана и крупная, округлой формы, бронзовая бусина-пронизь из погребения 118з (рис. 11,2), найденная недалеко от удил. В комплексах из тенгинских святилищ выделяется три типа бронзовых пронизей для шнурков конского оголовья, но круглых среди них нет [Эрлих, 2011, с. 62, рис. 106,9–11].

Не исключено, что к деталям оголовья лошади относится и полусферическая бронзовая бляха (диаметр – 2,3 см) из комплекса 99в с отверстием и отогнутым краем, орнаментированным пуансоном (рис. 15,4). Аналогичные бляхи, учитывая наличие отверстия, А.В. Симоненко склонен считать «ворварками», которые в сарматских комплексах Северного Причерноморья не известны ранее II в. до н.э. [Симоненко, 2015, с. 241, рис. 85,8–14].

Датировки большинства всаднических погребений устанавливаются по совместным находкам греческих амфор разных средиземноморских центров производства, хронология которых в последнее время была уточнена.

Погребение 44в (рис. 2) датируется клейменной амфорой Синопы (рис. 2,9) началом III в. до н.э. [Монахов и др., 2022, с. 250, Sn.25].

В погребении 93в (рис. 4, 5) находилась амфора неустановленного центра производства (рис. 4,9), которые С.Ю. Монахов выделяет в «рыжановский» вариант середины – третьей четверти IV в. до н.э. [Монахов и др.,

2022, с. 176, Un.2]. Совместно найдены 5 терракотовых кружков (диаметр – 2,1–2,4 см) с изображением головы Медузы Горгоны с высунутым языком, мелкими завитками на голове и одним-двумя рядами жемчужного орнамента по краю (рис. 5, 4–8). Лицевая сторона горгонеионов загрунтована белой краской и позолочена, обратная – выкрашена в красный цвет, имеются парные отверстия для бронзовой проволочной петельки, сохранившейся на одном экземпляре. Такие вотивные украшения довольно широко использовались в погребальном обряде меотов Прикубанья во второй половине IV в. до н.э. [Эрлих, 2012, с. 259–261; Кузнецова и др., 2022, с. 145]. Комплексы с горгонеионами из правобережных памятников (погребения 86в, 93в, 238в, 381в, 356з Старокорсунского городища № 2, № 91/1981 хут. Ленина № 2) по амфорной таре в основном относятся к третьей четверти и последней трети четвертого столетия [Монахов и др., 2022 с. 45, 47, 53–56].

Узкая хронология погребения 99в (рис. 15, 2–8) определяется двумя амфорами Родоса (рис. 15, 6, 7) варианта «вилланова» поздней серии I-E-2, относящимися к началу последней трети III в. до н.э. [Монахов и др., 2022, с. 160, Rd.6]. Медная пантикапейская монета с отверстием, которую носили в качестве медальона, не позволяет использовать ее для датировки.

В погребениях 237в (рис. 7) и 239в (рис. 9, 10) было найдено по две амфоры Коса (рис. 7, 7, 8, 10, 11, 12) «позднего» варианта I-B серии I-B-1, по которым эти комплексы и датируются последней четвертью IV в. до н.э. по: [Монахов и др., 2022, с. 151–153, Ks.6, Ks.7, Ks.8, Ks.9].

Датировка погребения 238в (рис. 8) также опирается на хронологию двух амфор. Косская амфора (рис. 8, 12) относится к той же серии, что и найденные в погребениях 237в и 239в. Центр производства второй амфоры (рис. 8, 13) пока не установлен. Из привозных вещей, кроме амфор, в комплекс входили три красноглиняных унгентария (рис. 8, 9–11), аналогии которым в основном приходится на последнюю четверть IV в. до н.э., и горгонеион (рис. 8, 2) того же типа, что и в погребении 93в (см. также 356з). Узкая хронология комплекса ограничивается в пределах 330–310-х гг. [Монахов и др., 2022, с. 53, 54, Ks.5, Un.31].

Время захоронения погребения 118з (рис. 11) устанавливается по амфоре Менды (рис. 11, 5) «мелитопольского» варианта II-C, которая узко датируется 340–330-ми гг. [Монахов и др., 2022, с. 109, Md.27]. Учитывая, что она попала в захоронение с отбитыми ручками, горлом и ножкой, дату комплекса следует немного омолодить до конца третьей четверти IV в. до н.э. Совместно был найден красноглиняный мортар (рис. 11, 8), вероятно, синопского производства, большая часть стенок которого утрачена, но на ручке сохранился оттиск в виде изображения головы Медузы Горгоны в фас, с ожерельем из амфоровидных подвесок и змеями по краям. На голове чудовища стоит маленькая антропоморфная фигурка с опущенными полураскрытыми крыльями. Аналогично оттиску пока найти не удалось. Близкий по форме красноглиняный мортар со сливом и ручками был найден в погребении 405 Прикубанского могильника, которое по двум амфорам Менды было отнесено нами ко второй четверти IV в. до н.э. [Монахов и др., 2021, с. 77, Md.46, Md.47; Лимберис, Марченко, 2024, рис. 5, 6].

Тремя амфорами сопровождалось погребение 294з (рис. 12, 13). Две из них – книдские (рис. 12, 8, 9) «елизаветовского» и «чередникового» вариантов. Датировка обеих ограничивается 340-ми годами. Третья, гераклейская (рис. 12, 10), амфора варианта I-A имеет широкий хронологический диапазон. Перекрестная хронология амфор Книда и совместно найденных чернолаковых скифоса и кубковидного канфара неаттического производства (рис. 12, 4, 5) позволяет датировать этот комплекс началом третьей четверти IV в. до н.э., а в абсолютных датах – 350–340-ми гг. [Монахов и др., 2022, с. 39–40].

Хронология погребения 356з (рис. 14) по амфорам Коса (рис. 14, 9) «раннего» варианта I-A и Менды (рис. 14, 10) «мелитопольского» варианта ограничивается третьей четвертью IV в. до н.э. [Монахов и др., 2022, с. 45, Ks.2, Md.26]. В комплексе также присутствовал горгонеион (рис. 14, 3), аналогичный найденным в погребениях 93в и 238в.

Погребение 650з (рис. 15, 11–13) представляло собой остатки скелета лошади с удилами и бронзовой ворворкой. Находилось

оно менее, чем в 1,5 м от богатого погребения 652з, частично ограбленного в древности, с которым мы и связываем захоронение лошади. Лошадь, вероятно, была положена на край могильной ямы. Погребение 652з хорошо датируется по трем амфорам – двум книдским «чередникового» варианта и мендейской «мелитопольского» варианта, и другим, не замеченным грабителями, импортным сосудам (стеклянной чаше, чернолаковому лекифу *Class Talcott* и арибаллическому лекифу с краснофигурной пальметтой), совокупная хронология которых ограничивается второй четвертью IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2016, с. 78–83; Монахов и др., 2022, с. 32–34, Md.23, Кн.3, Кн.4]. В остальных погребениях амфор не было.

Единственной привязкой для датировки ограбленного погребения 24в (рис. 15,1) является стержневидный железный псалий с коническими шишечками на концах, форма которого характерна для IV–III вв. до н.э. и практически не изменилась за этот период.

В погребении 41в (рис. 1) были найдены удила с псалиями того же типа и полный комплект оружия, включая длинный меч, аналогичный мечам из комплексов 44в, 93в и 239в. Учитывая узкую хронологию этих комплексов, погребение можно широко датировать третьей четвертью IV – началом III в. до н.э. Этому времени в целом соответствует и набор сероглиняных сосудов [Лимберис, Марченко, 2005, хронол. табл.].

Погребение 46в (рис. 3) – единственное, где в большом колчанном наборе, кроме железных наконечников стрел, присутствовали два бронзовых и костяной наконечники, и для его датировки это, очевидно, имеет значение. В Прикубанском могильнике аналогичные типы немногочисленных бронзовых и крайне редко использовавшихся меотами костяных наконечников стрел встречаются в комплексах, даты которых по амфорам не выходят за середину IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2024, с. 26–27, 29]. Модифицированный пластинчатый нащечник, подражающий литым зооморфным образцам второй четверти IV в. до н.э., вряд ли мог быть изготовлен (возможно, меотским мастером) намного позднее этого времени.

Большой округлый кувшин с плоской петельчатой ручкой (рис. 3,12) из этого погребения является довольно редким типом меотской керамики. Сосуд близкой морфологии (рис. 5,18) присутствует в погребении 93в середины – третьей четверти IV в. до н.э. Однако более похожие экземпляры относятся уже к концу IV – началу III в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 231, рис. 3,12, 4,12; Монахов и др., 2022, с. 197, 244, Un.43, Sn.13]. В погребении 93в есть и кувшинчик с рифленным горлом (рис. 5,17), но ручка его крепится непосредственно к венчику, а не ниже, как у сосуда из погребения 46в. Полную ему аналогию представляет собой кувшинчик из комплекса 9з с амфорой Менды 350–330 гг. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 231, рис. 22,8; Монахов и др., 2022, Md.24]. Скорее всего, хронология погребения 46в не выходит за пределы середины – третьей четверти IV в. до н.э.

Разрушенное захоронение 102в (рис. 15,9,10) по налобнику типа 1 нужно датировать второй половиной IV – началом III в. до н.э.

Хронология погребения 223в (рис. 6) установлена по немногочисленным аналогиям стржевидным и лопастным псалиям с подвесками, но главным образом по крестовидным насадкам варианта В, датировка которых по комплексам с амфорами из памятников правобережья Кубани не выходит за пределы последней четверти IV – начала III в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2019, с. 164, 167, 171; Лимберис, Марченко, 2022, с. 271].

Как видно из хронологии погребений, основное их количество с узкими датировками приходится на третью четверть IV в. до н.э., ко второй четверти относится лишь одно погребение, и три – к последней четверти столетия. Погребений III в. до н.э. – всего два. Одно из них датируется началом столетия, второе – последней третью. Тем не менее эта небольшая выборка, показывает, что в IV – III вв. до н.э. меоты, населявшие одно из крупных городищ правобережья Нижней Кубани, имели стратифицированное устройство общества, к элите которого относились всадники. Хорошо экипированная конница ничем не уступала аналогичному воинскому контингенту из пунктов, расположенных у восточных границ Азиатского Боспора и в Закубанье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда и Кубанского научного фонда «Меотские всадники Кубани VI в. до н.э. – III в. н.э.» (проект № 24-18-20014).

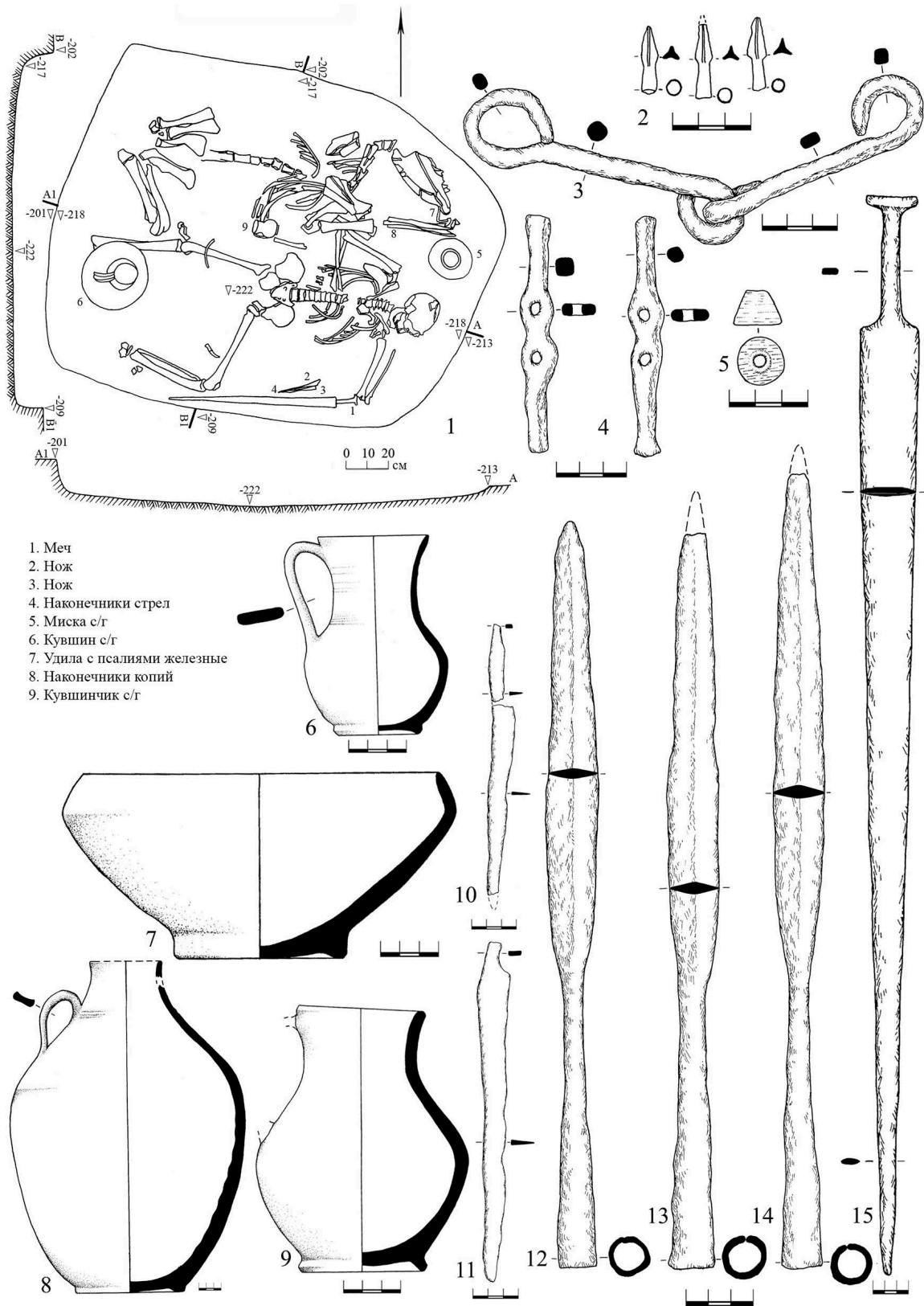
The study was carried out under the grant of the Russian Science Foundation and the Kuban Science Foundation “Maeotian Horsemen of Kuban VI c. B.C. – III c. A.D.” (project No. 24-18-20014).

² Половозрастные определения выполнены антропологом, д.и.н. М.А. Балабановой (ВолГУ).

³ Определение доктора Норберта Бенеке (Германский археологический институт).

⁴ И.С. Каменецким была составлена краткая опись находок из этого могильника, сохранившихся на базе Северо-Кавказской экспедиции ИА РАН в ст-це Старокорсунской, которую он нам и передал. По этому списку налобники числятся в погребениях 65 (с амфорой «Усть-Лабинского» типа), 111, 123 и 240 (все – с амфорами Солоха I). В хранилище нам удалось обнаружить налобники из погребений 111 (вместе с терракотовыми украшениями и удилами с крестовидными насадками) и 123.

ПРИЛОЖЕНИЯ

- 1. Меч
- 2. Нож
- 3. Нож
- 4. Наконечники стрел
- 5. Миска с/г
- 6. Кувшин с/г
- 7. Удила с псалями железные
- 8. Наконечники копий
- 9. Кувшинчик с/г

Рис. 1. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 416

Fig. 1. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 416

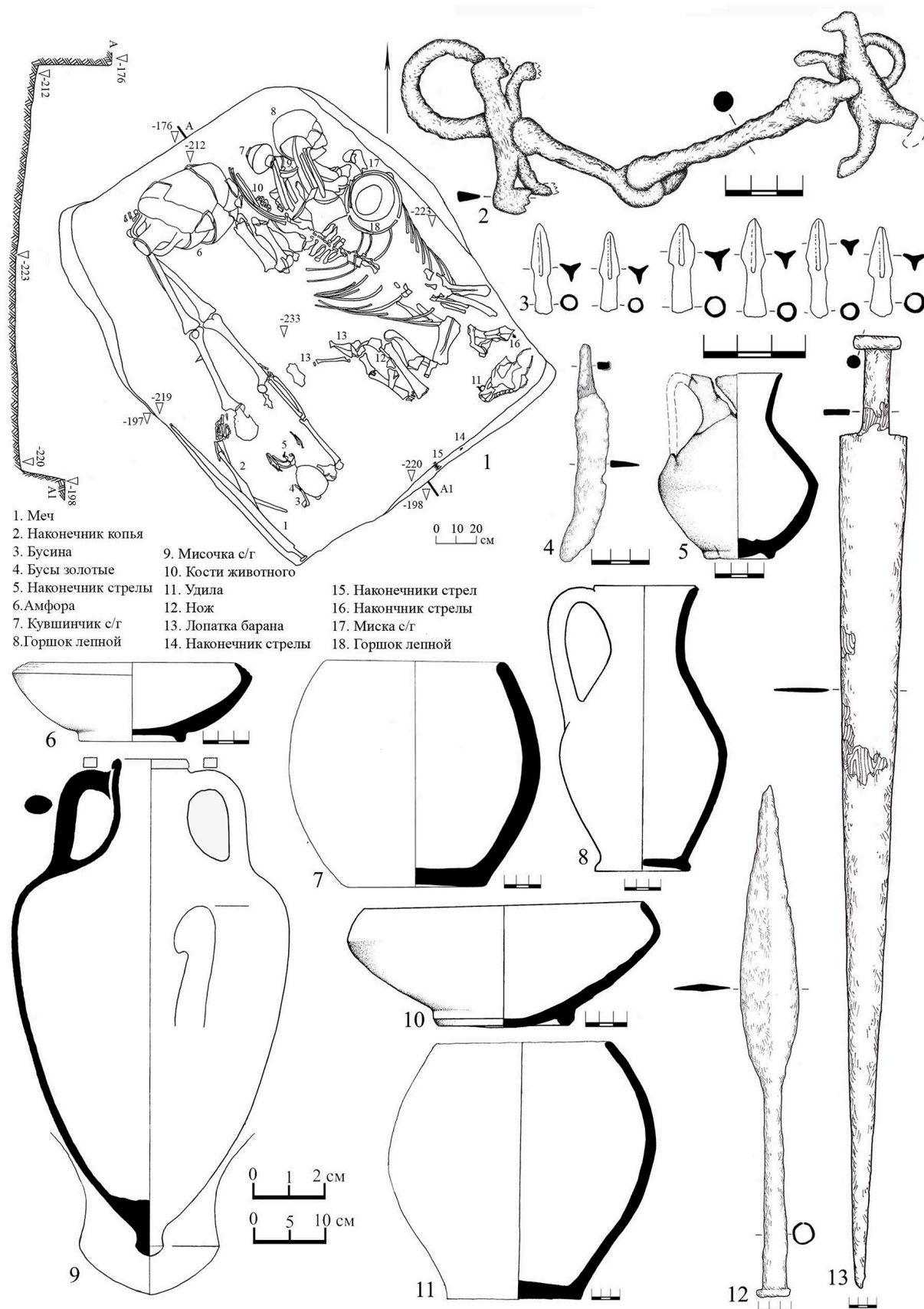

Рис. 2. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 44б

Fig. 2. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 44b

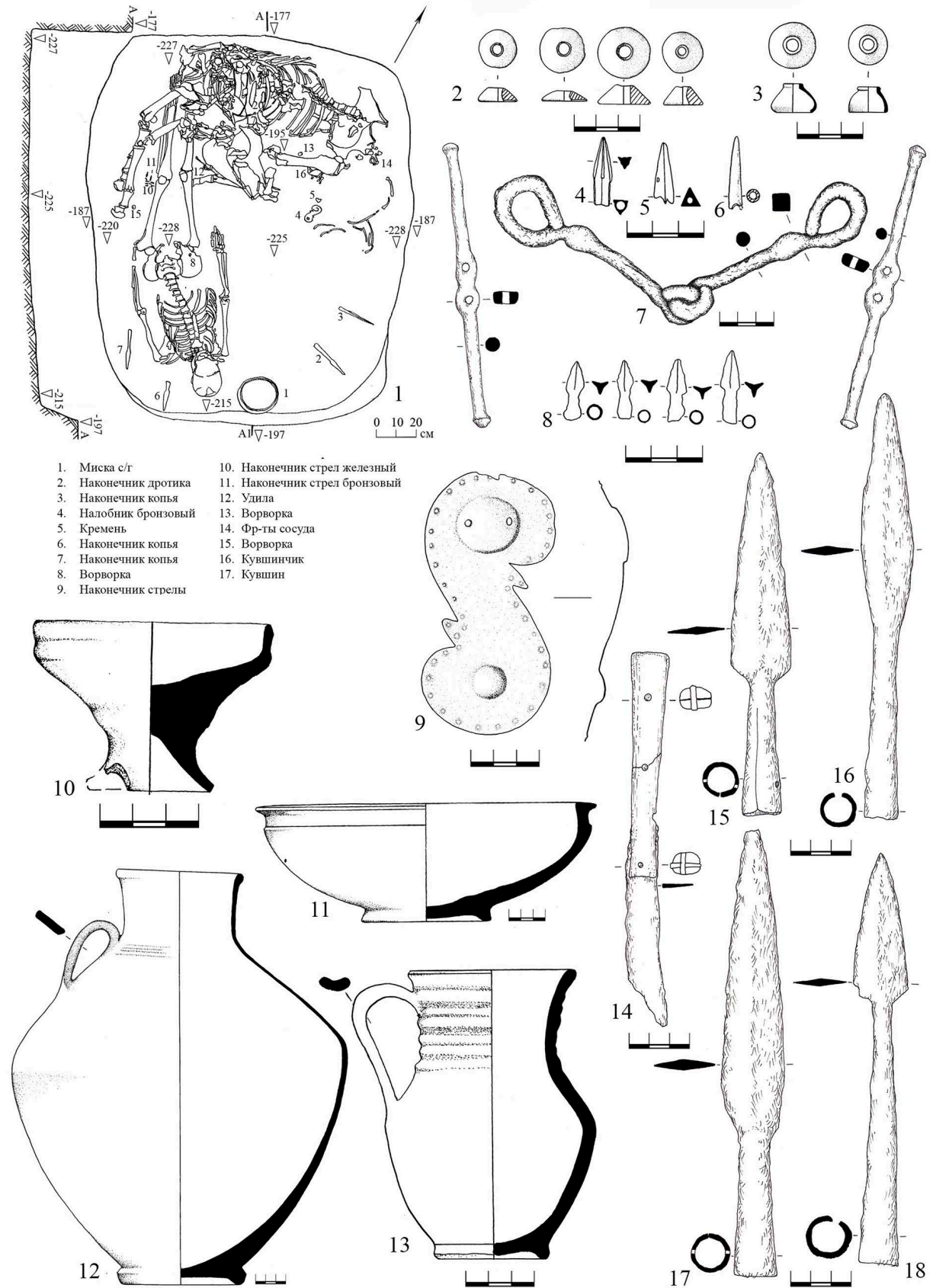

Рис. 3. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 46а

Fig. 3. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 46a

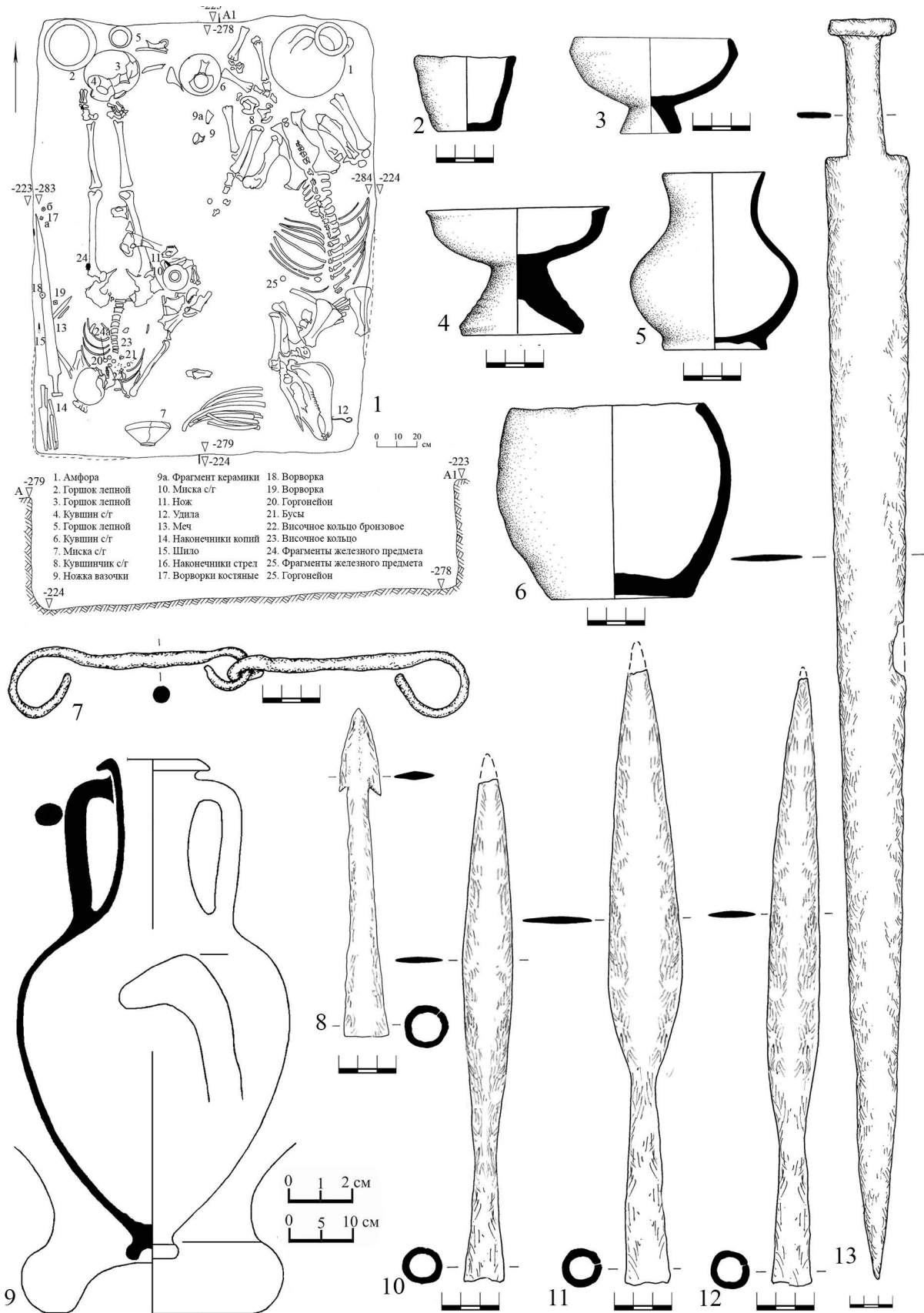

Рис. 4. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 93е

Fig. 4. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 93e

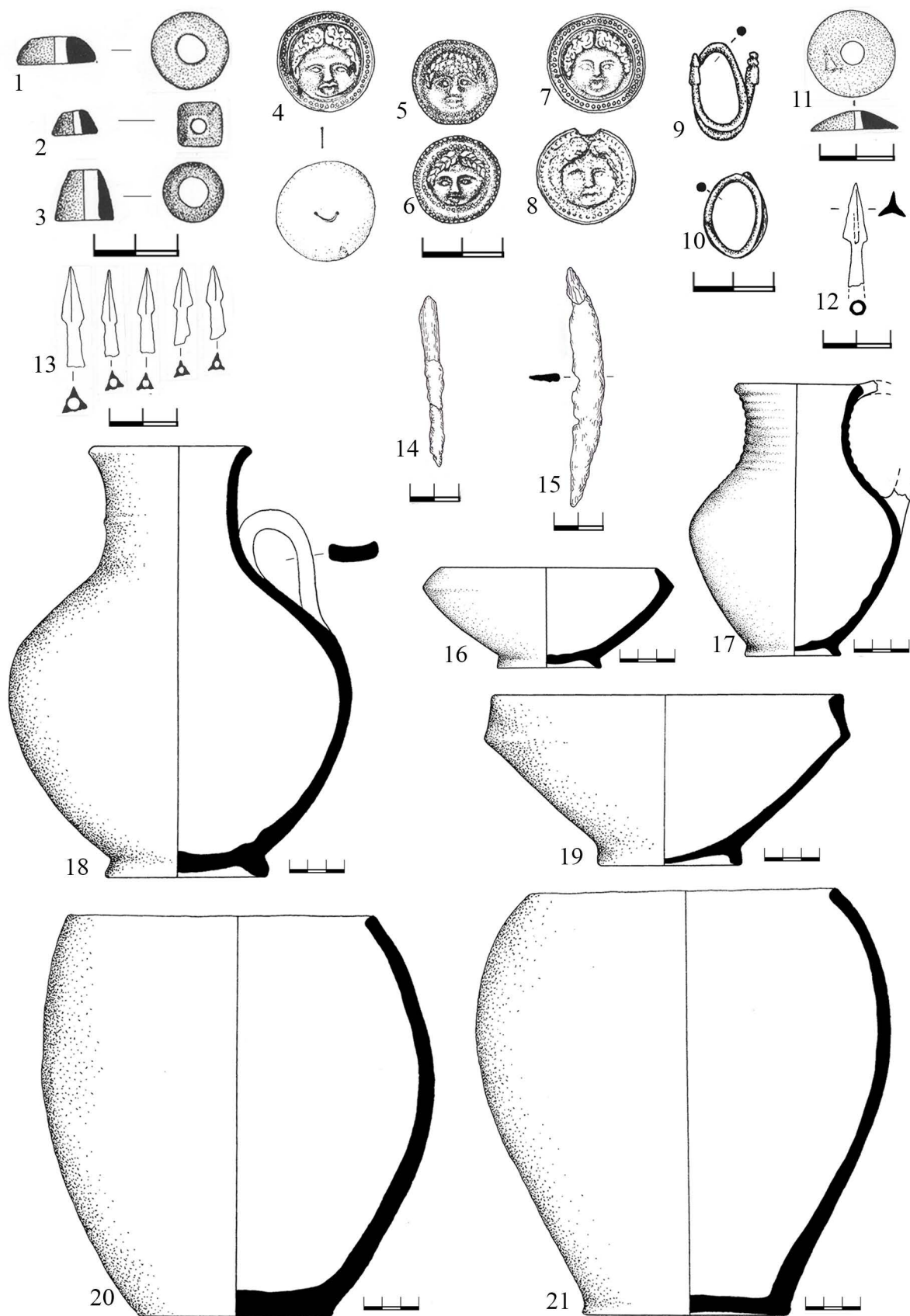

Рис. 5. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 93б (продолжение)

Fig. 5. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 93b (continuation)

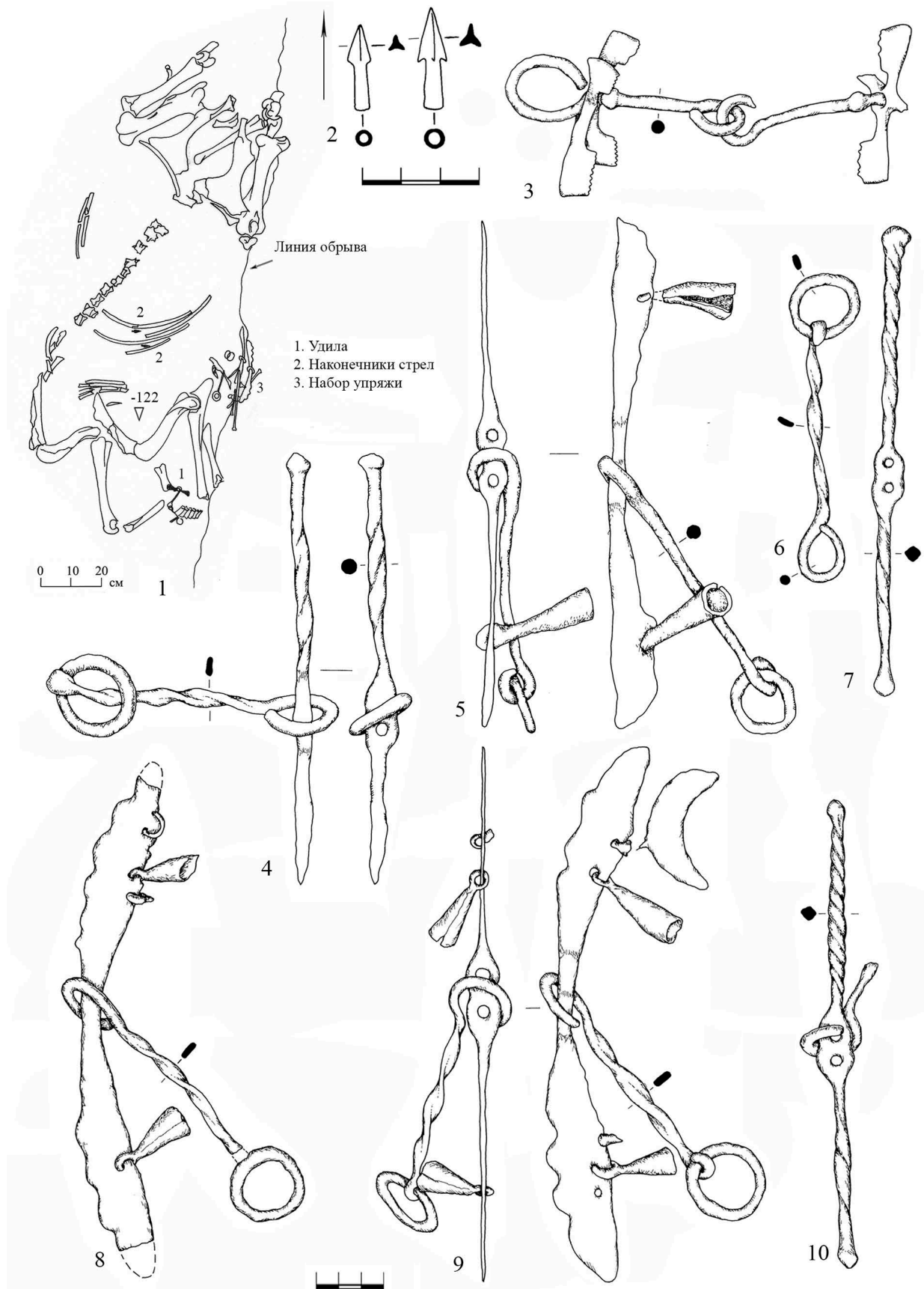

Рис. 6. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 223в

Fig. 6. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 223в

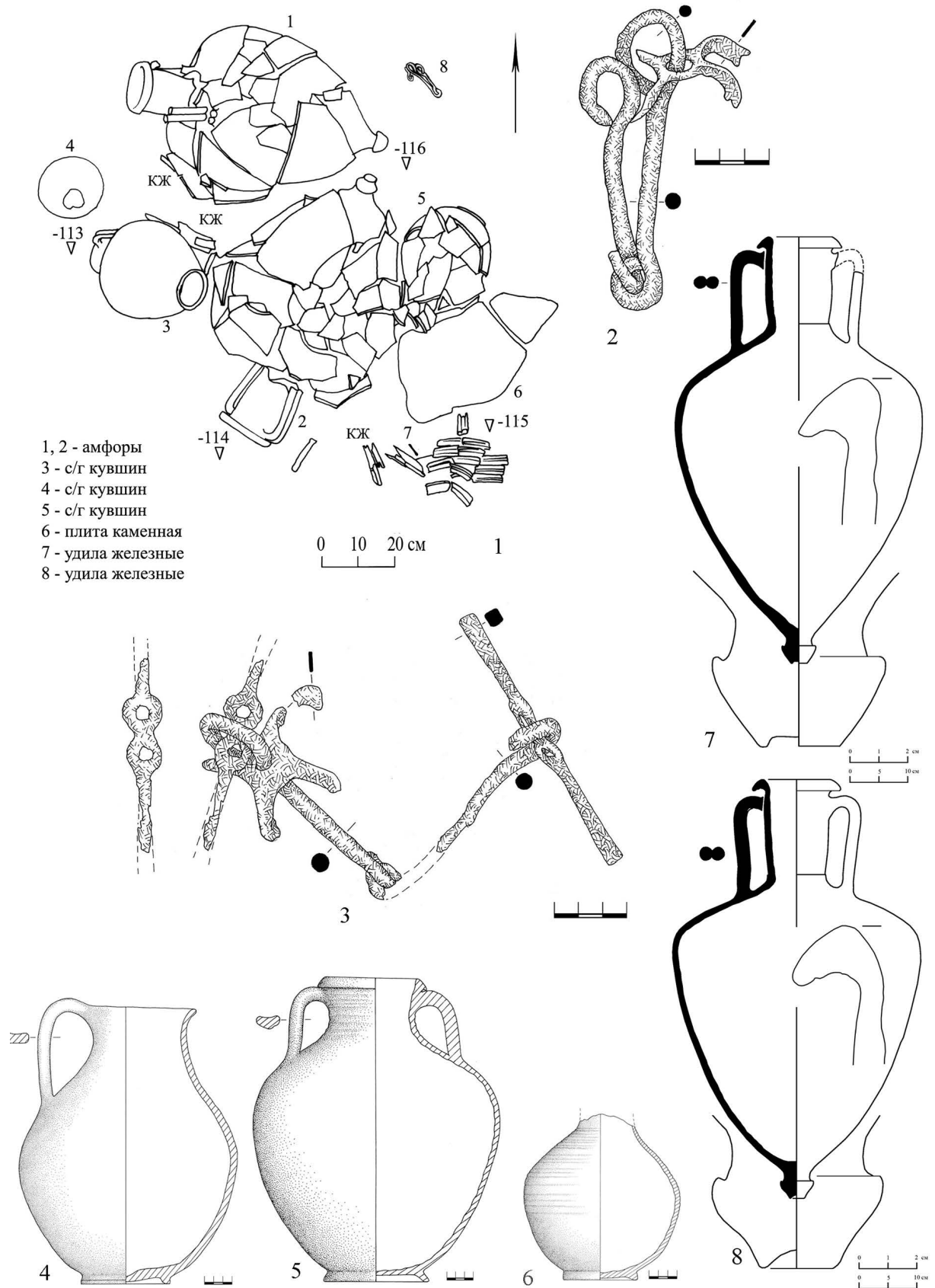

Рис. 7. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 237e

Fig. 7. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 237e

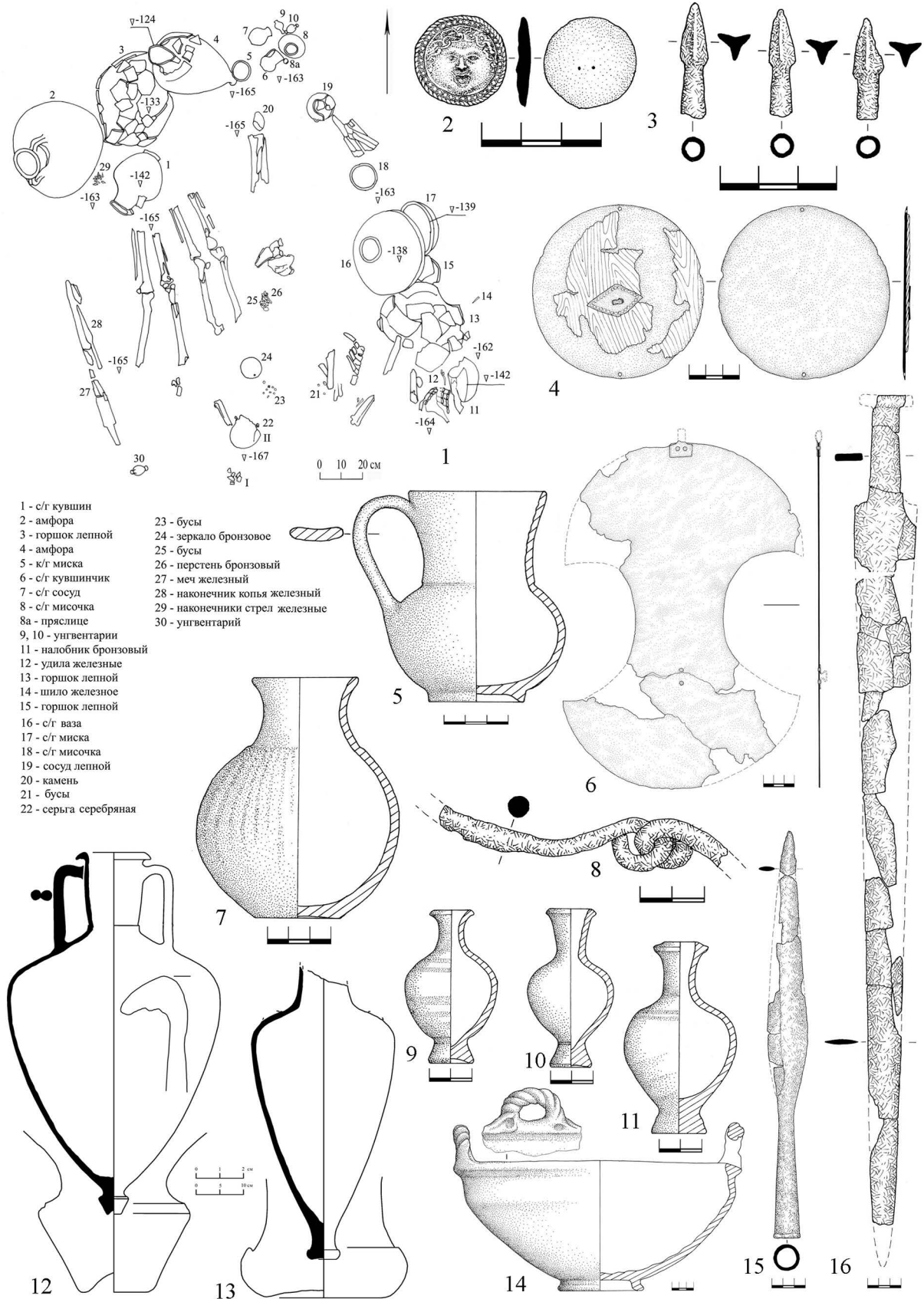

Рис. 8. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 238e

Fig. 8. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 238e

- 1 - фрагменты с/г кувшина
- 2 - наконечник копья
- 3 - с/г миска
- 4 - удила железные
- 5 - серьга серебряная
- 5а - фрагмент железного ножа
- 6, 7, 8 - с/г миски
- 9 - фрагмент вазочки
- 10 - амфора
- 11 - горшок лепной
- 12 - с/г кувшин
- 13 - курильница лепная
- 14 - с/г сосуд
- 15 - с/г вазочка
- 16 - с/г кувшинчик
- 17 - фрагменты лепного горшка
- 17а - альчики
- 18, 19 - горшки лепные
- 20 - фрагменты амфоры
- 21 - горшок лепной
- 22 - плита каменная
- 23 - горшок лепной
- 24 - перстень бронзовый

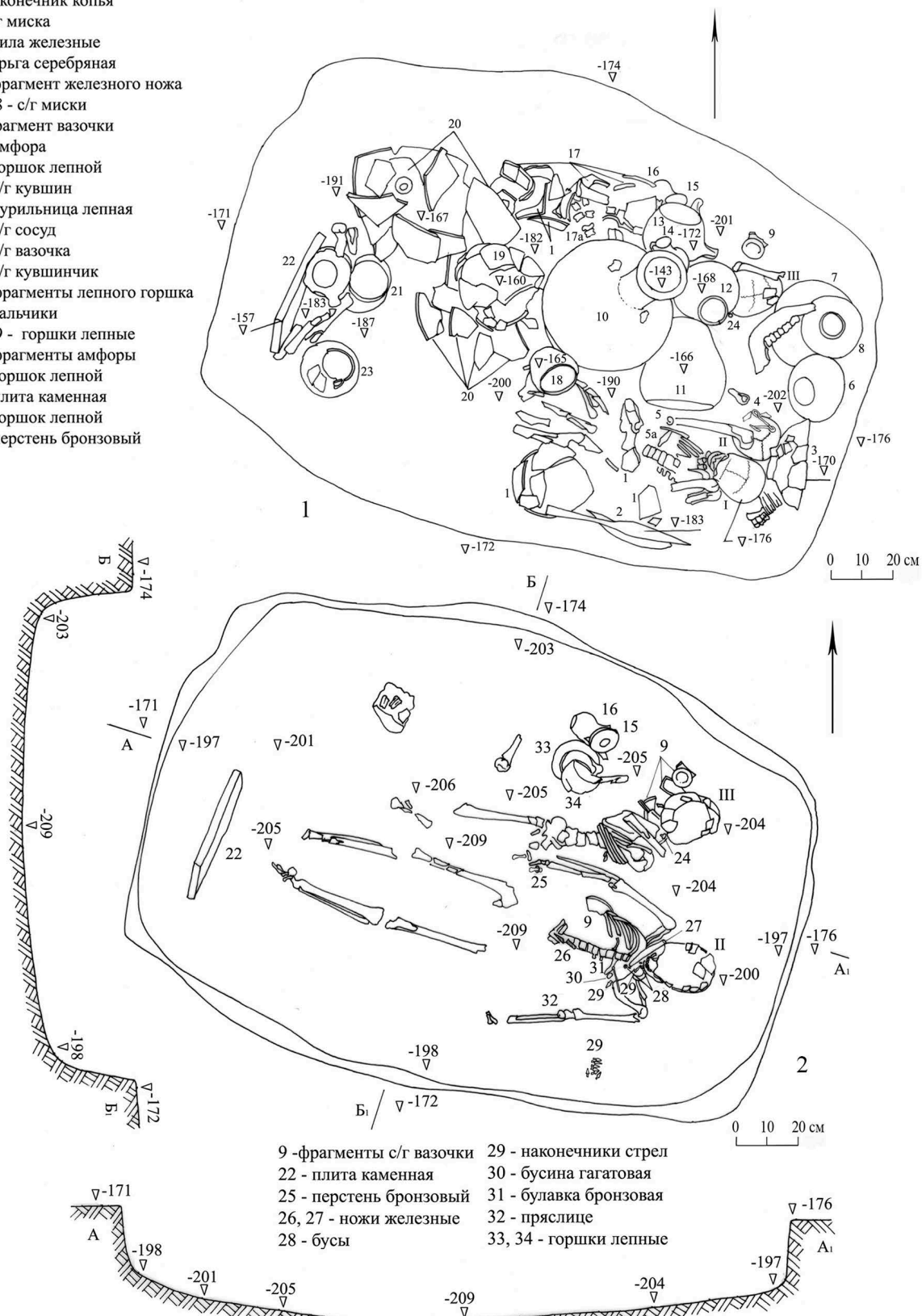

Рис. 9. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 239e
 Fig. 9. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 239e

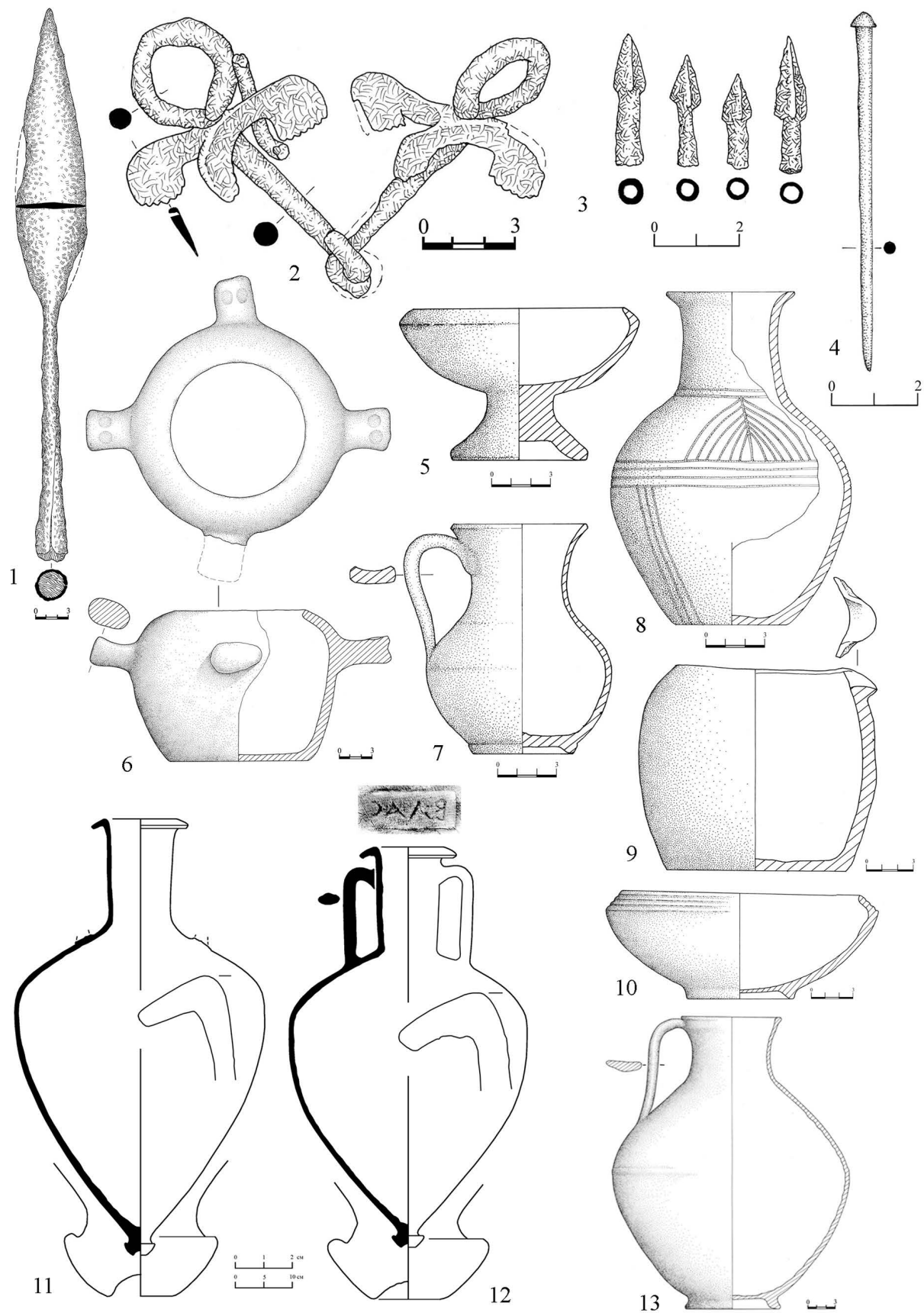

Рис. 10. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 239в (продолжение)

Fig. 10. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 239в (continuation)

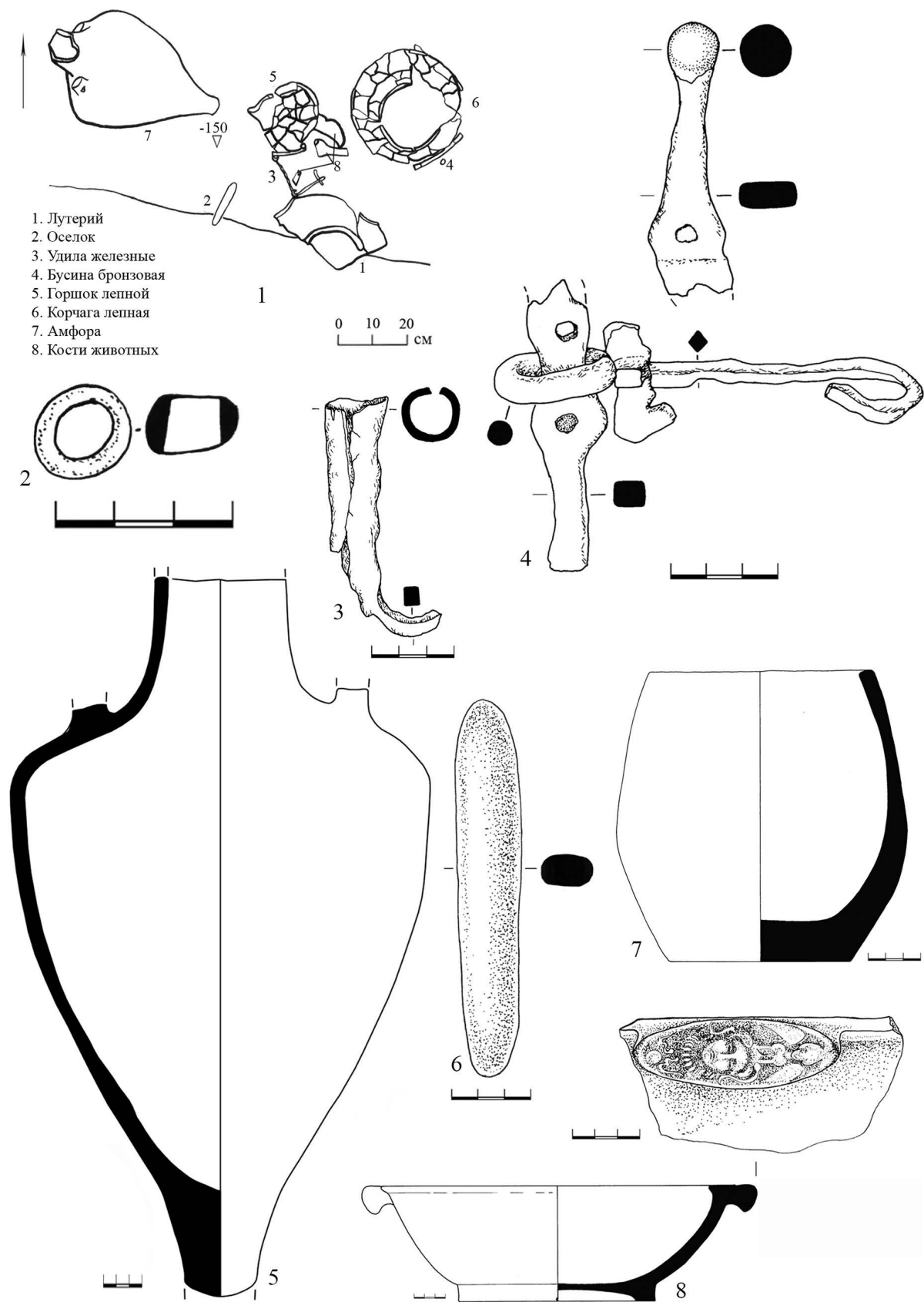
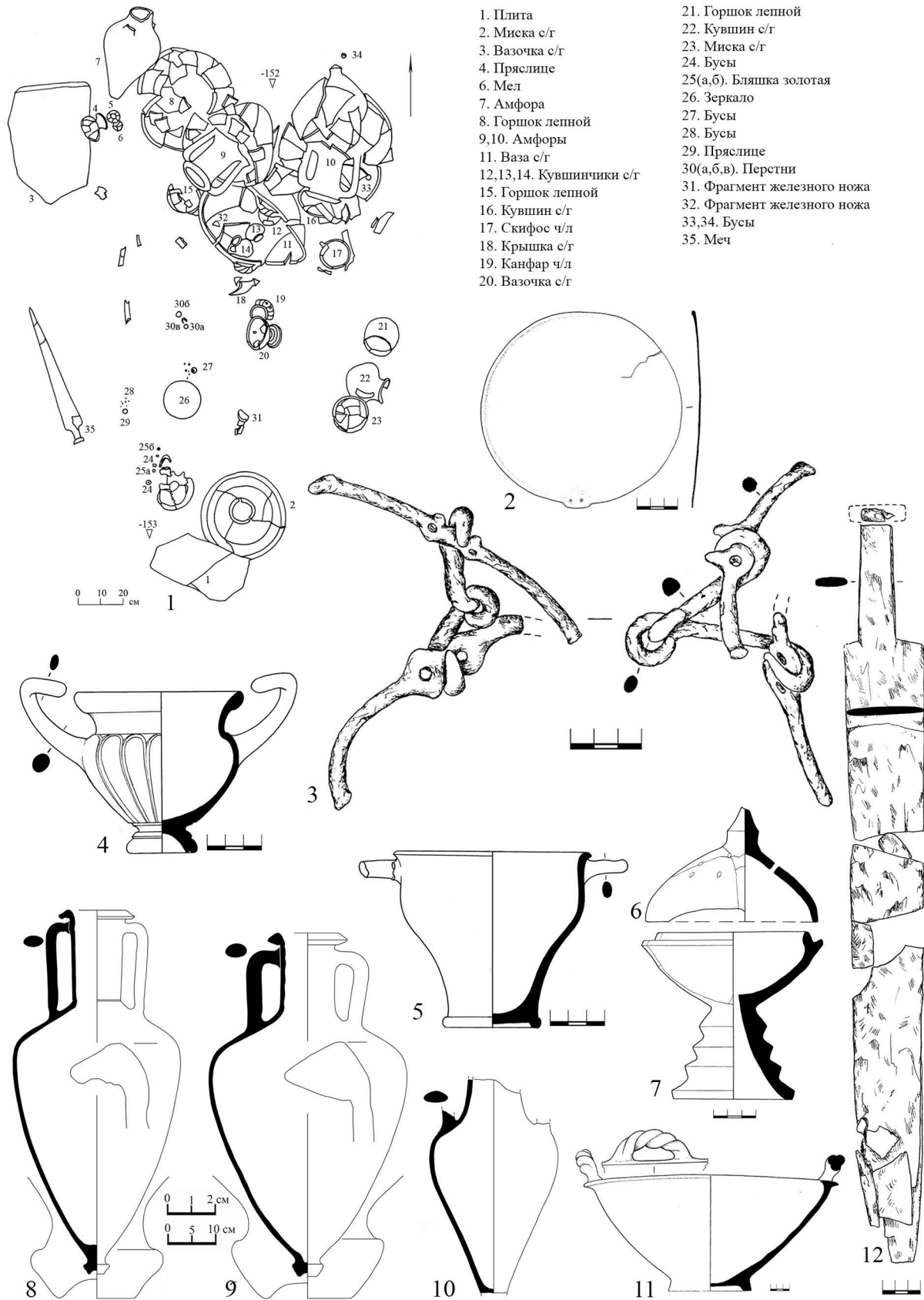

Рис. 11. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 118з

Fig. 11. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 118z

1. Плита	21. Горшок лепной
2. Миска с/г	22. Кувшин с/г
3. Вазочка с/г	23. Миска с/г
4. Пряслице	24. Бусы
6. Мел	25(а,б). Бляшка золотая
7. Амфора	26. Зеркало
8. Горшок лепной	27. Бусы
9,10. Амфоры	28. Бусы
11. Ваза с/г	29. Пряслице
12,13,14. Кувшинчики с/г	30(а,б,в). Перетни
15. Горшок лепной	31. Фрагмент железного ножа
16. Кувшин с/г	32. Фрагмент железного ножа
17. Скифос ч/л	33,34. Бусы
18. Крышка с/г	35. Меч
19. Канфар ч/л	
20. Вазочка с/г	

Рис. 12. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 294з

Fig. 12. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 294z

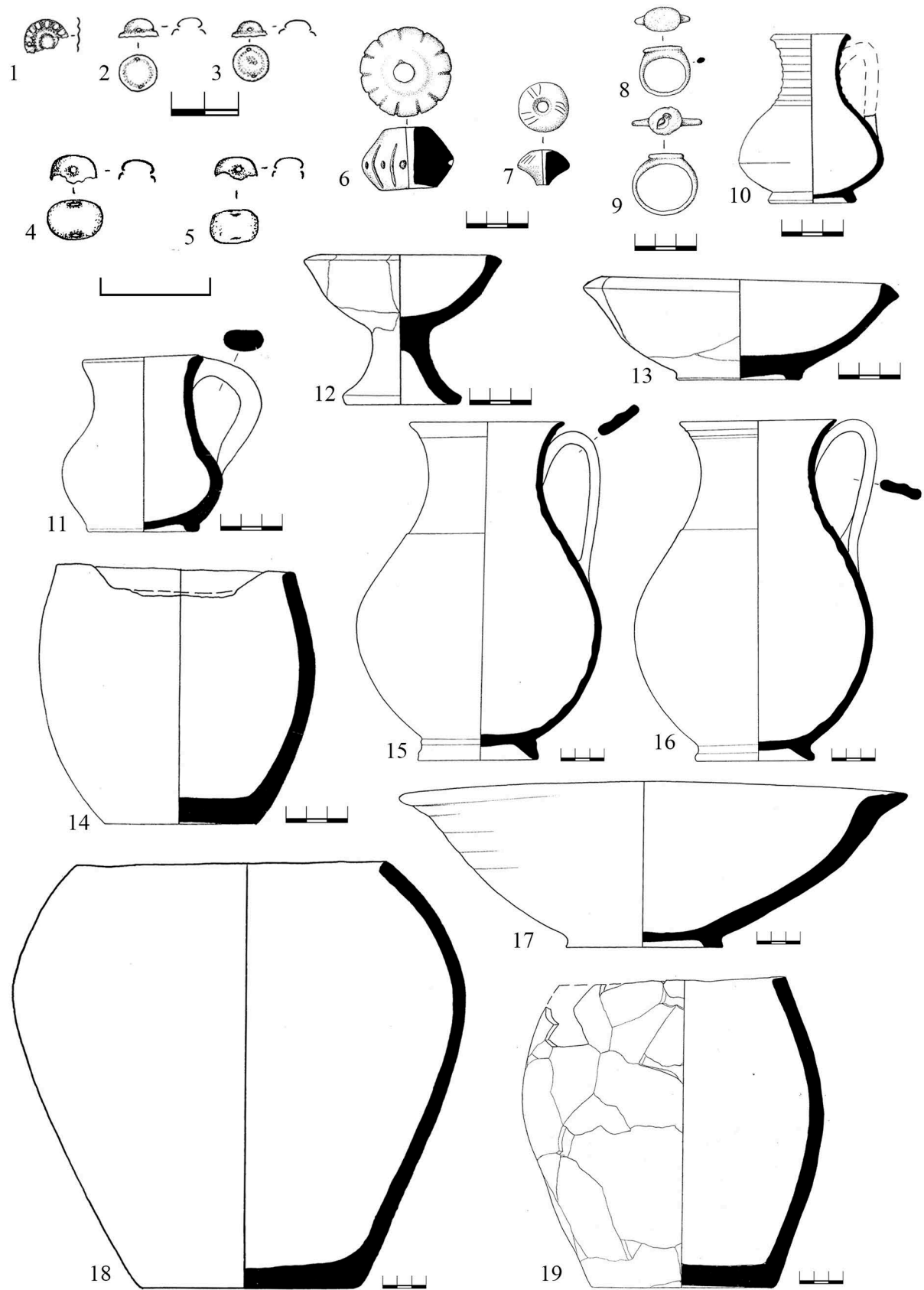

Рис. 13. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 294з (продолжение)

Fig. 13. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 294z (continuation)

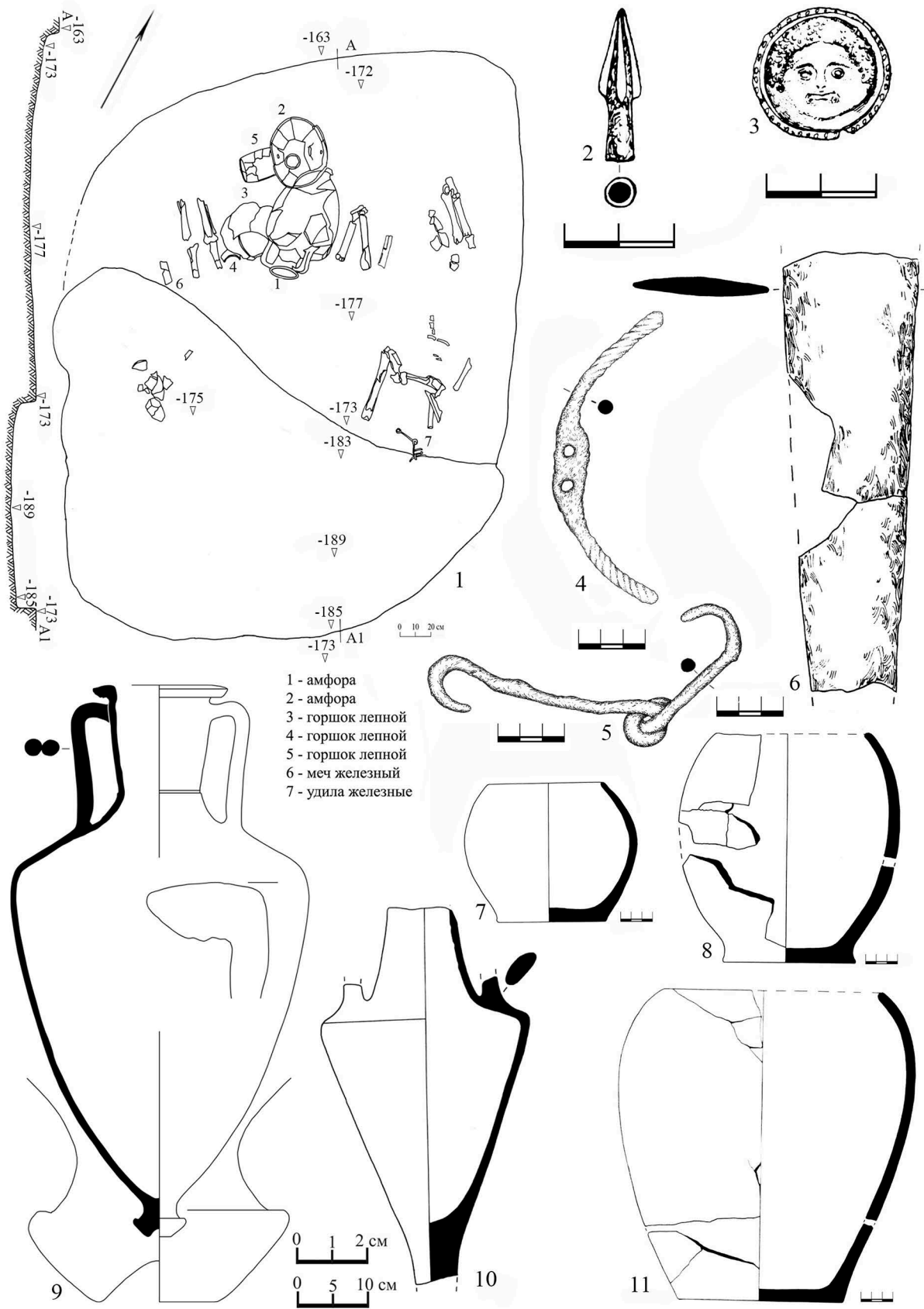

Рис. 14. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 356з

Fig. 14. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 356z

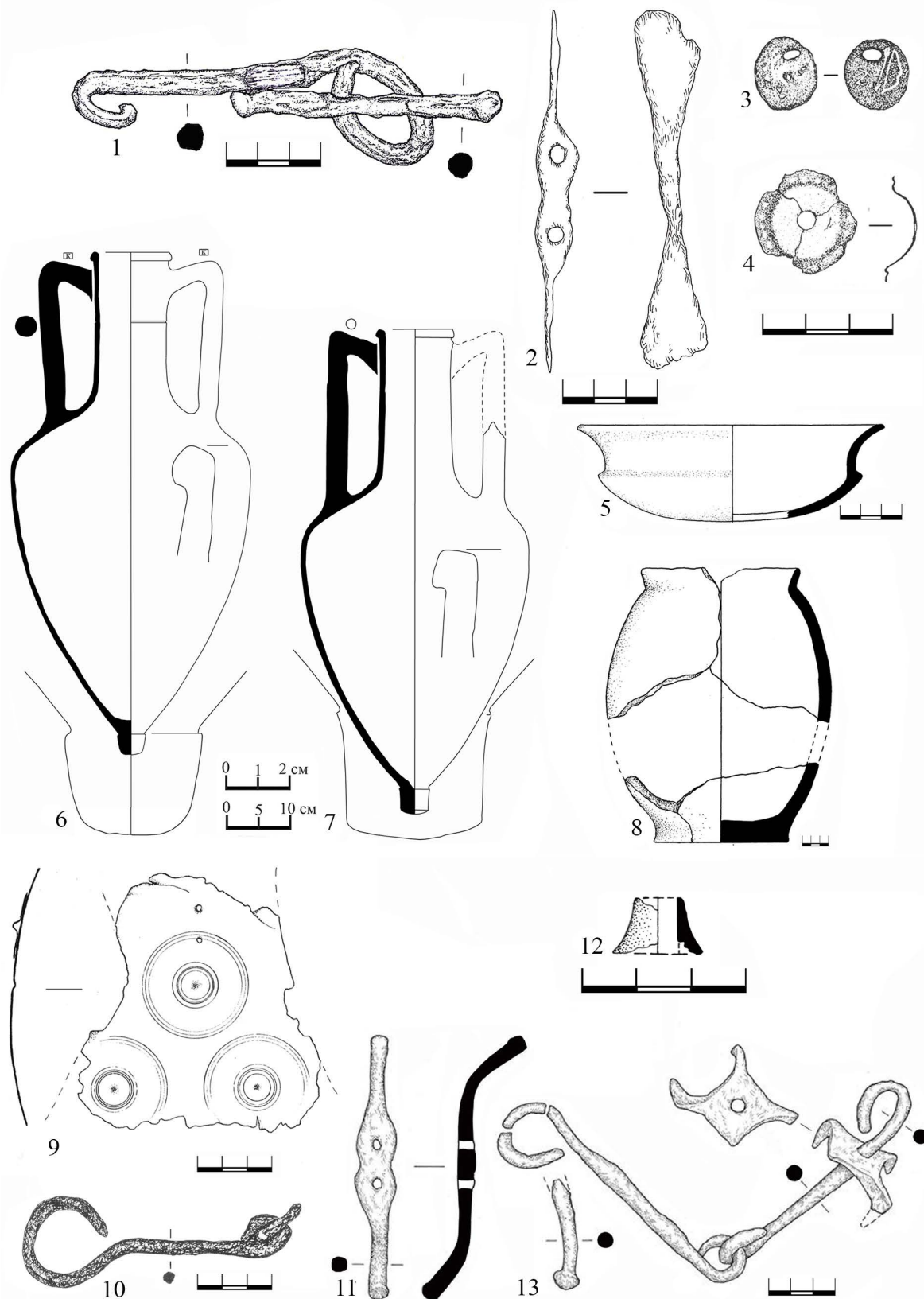

Рис. 15. Могильник Старокорсунского городища № 2:

1 – погребение 24в; 2–8 – погребение 99в; 9, 10 – погребение 102в; 12, 13 – погребение 650з

Fig. 15. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement:

1 – burial 24в; 2–8 – burial 99в; 9, 10 – burial 102в; 12, 13 – burial 650з

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М. П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М. : ИА РАН. 240 с.
- Анфимов Н. В., 1973. Отчет за 1972 год о раскопках Пашковского шестого могильника // Архив ИА РАН. Р-1, 6219, 6219в.
- Беглова Е. А., 1989. Погребальный обряд уляпских грунтовых могильников в Красногвардейском районе // Меоты – предки адыгов. Майкоп : Адыгейский НИИ ЭЯЛИ. С. 140–157.
- Беглова Е. А., Эрлих В. Р., 2018. Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника). М. ; СПб. : Нестор-История. 384 с.
- Галанина Л. К., 1985. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // Советская археология. № 3. С. 156–165.
- Галанина Л. К., 1989. Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты – предки адыгов. Майкоп : Адыг. НИИ ЭЯЛИ. С. 74–102.
- Галанина Л. К., 2005. Кубанское уздечное снаряжение (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н.И. Веселовским в 1913 г.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 37. С. 97–108.
- Галанина Л. К., 2010. Конское снаряжение из коллекции Елизаветинских древностей, хранящихся в Государственном Эрмитаже (раскопки Н.И. Веселовского 1914, 1915, 1917 гг.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 38. С. 108–122.
- Ждановский А. М., 2006. Курган № 30 у аула Начерзий // Раев Б. А., Беспалый Г. Е. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. С. 87–100.
- Иванов А. В., 2010. Синдо-меотские мечи с цилиндрическим навершием // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» : тез. докл. Междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа (г. Магас, 26–30 апреля 2010 г.). Магас : Пилигрим. С. 146–149.
- Керефов Б. К., 1985. Чегемский курган-кладбище сарматского времени. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик : Эльбрус. С. 135–259.
- Канторович А. Р., 2022. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы. Классификация, типология, хронология, эволюция. М. : МГУ. Т. 1. 431 с. ; Т. 2. 359 с.
- Козенкова В. И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. САИ. В2-5. М. : Наука. 176 с.
- Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев : ИА НАНУ : АДЕФ-Украина. 384 с.
- Кузнецова Е. А., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Монахов С. Ю., 2022. Погребение с книдскими амфорами из могильника Старокорсунского городища № 2 // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 267. С. 139–150.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар. С. 219–324.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005а. Пластинчатые налобники из Прикубанья // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар : Символика. С. 162–166.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2006. Типология и хронология меотских железных наконечников копий из памятников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 6. Краснодар. С. 152–181.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2007. Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 7. Краснодар. С. 70–150.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2012. Меотские дротики // Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию А.В. Симоненко. Киев : Скиф. С. 411–415.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2016. Погребение со стеклянной чашей из могильника Старокорсунского городища № 2 // Археологические вести. Вып. 22. С. 76–84.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2018. Боевые ножи меотов // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» : материалы Междунар. науч. конф. (г. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.). Карачаевск. С. 221–223.

- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2019. Железные удила со строгими насадками из меотских могильников Прикубанья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) : материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Т. V. Симферополь : Салта. С. 161–174.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2020. Хронология мечей с серповидным навершием из меотских могильников // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25, № 4. С. 89–103. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.9>
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2022. Комплекс конской узды из меотского погребения на правобережье Кубани // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 267–275. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.14>
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2023. О некоторых меотских импортах в раннесарматских погребениях // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур : материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. памяти А.С. Скрипкина (г. Волгоград, 15–19 мая 2023 г.). Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 114–127.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2024. Вооружение меотских всадников IV в. до н.э. (по материалам Прикубанского могильника) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 3. С. 21–37. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.2>
- Ловпаче Н. Г., 1985. Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп : Адыгейский НИИ ЭЯЛИ. С. 16–64.
- Лунев М. Ю., 2010. Новые погребения IV в. до н.э. из могильника на ул. Постовой (Почтовой) // Древности Боспора. Т. 14. М. : ИА РАН. С. 357–372.
- Максименко В. Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та. 224 с.
- Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., 2009. Пластинчатые конские налобники из Прикубанья // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 3, № 39. С. 69–74.
- Маслов В. Е., 2019. Синдо-меотские мечи vs. акинаки (реалии сегодняшнего дня) // *Stratum plus*. № 3. С. 133–154.
- Могилев А. Д., 2010. «Строгие» детали узды раннего железного века // *Stratum plus*. № 3. С. 281–288.
- Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре : каталог-определитель. М. ; Саратов : Киммериды : Сарат. ун-т. 680 с.
- Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б., 2021. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н.э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына). Саратов : Волга. 324 с.
- Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б., 2022. Амфоры VII–I вв. до н.э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына. Саратов : Амирит. 304 с.
- Прокопенко Ю. А., 2016. Комплексы предметов конской упряжи, деталей воинского щита III – начала II в. до н.э. и металлических сосудов конца I – II до н.э. из района верховьев р. Большая Лаба // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 8. Ставрополь : Печатный Двор. С. 38–52.
- Прокопенко Ю. А., 2021. Налобные и нащечные пластины конского убора IV – начала II в. до н.э. из памятников Ставропольской возвышенности // Материала по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 13. Нес-Циона : Киммерия. С. 467–482.
- Прокопенко Ю. А., Рудницкий Р. Р., 2023. «Строгановские» курганы на горе Змейка (южные окрестности г. Минеральные Воды) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 16. Ставрополь ; М. : Печатный Двор. С. 189–242.
- Рукавишников И. В., Яблонский Л. Т., 2014. Исследование кургана 2 могильника Филипповка 2 // Российская археология. № 4. С. 118–133.
- Симоненко А. В., 2015. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Киев : Олег Филук. 466 с.
- Смирнов К. Ф., 1953. Северский курган // Труды ГИМ. Т. IX. М. : Госкультпросветиздат. 42 с.
- Туаллагов А. А., 2007. Северный Кавказ: от скифов до ранних алан (историко-археологические очерки). Владикавказ : СОИГСИ. 399 с.
- Эрлих В. Р., 2011. Святилища некрополя Тенгинского городища II, IV в. до н.э. М. : Наука. 212 с.

Эрлих В. Р., 2012. Украшения из золоченой терракоты в меотских памятниках Прикубанья (к проблеме культурных контактов в раннеэллинистическое время) // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гузиной. Труды ГИМ. Вып. 191. М. : ГИМ. С. 259–272.

REFERENCES

- Abramova M.P., 1993. *Tsentral'noye Predkavkaz'ye v sarmatskoye vremya (III v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Central Ciscaucasia (Predkavkaz'e) in the Sarmatian Period (3rd century B.C. – 4th century A.D.)]. Moscow, IA RAS. 240 p.
- Anfimov N.V., 1973. Otchyot za 1972 god o raskopkakh Pashkovskogo shestogo mogil'nika [Report on the Excavations of the Pashkovsky Sixth Burial Ground for 1972]. *Arkhiv IA RAN*, R-1, nos. 6219, 6219b.
- Beglova E.A., 1989. Pogrebal'nyy obryad ulyapskikh gruntovykh mogil'nikov v Krasnogvardeyskom rayone [Funeral Rite of the Ulyap Burial Grounds in the Krasnogvardeysky District]. *Meoty – predki adygov* [Maeots – Ancestors of the Adyghe]. Maykop, Adyghe Research Institute of Economics, Language, Literature and History, pp. 140-157.
- Beglova E.A., Erlich V.R., 2018. *Meoty Zakuban'ya v sarmatskoye vremya (po materialam Tenginskogo gruntovogo mogil'nika)* [Maeotians of Trans-Kuban Region in Sarmatian Time (Based on Materials of Tenginsky Burial Ground)]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-History Publ. 384 p.
- Galanina L.K., 1985. K probleme vzaimootnosheniy skifov s meotami (po dannym novykh raskopok Kelermesskogo kurgannogo mogil'nika) [On the Problem of the Relationship Between the Scythians and the Maeots]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 156-165.
- Galanina L.K., 1989. Novyye pogrebal'nyye komplekсы rannemeotskogo vremeni iz Kelermesskogo gruntovogo mogil'nika [New Burial Complexes of the Early Meotian Period from the Kelermes Cemetery]. *Meoty – predki adygov* [Maeots – Ancestors of the Adyghe]. Maykop, Adyghe Research Institute of Economics, Language, Literature and History, pp. 74-102.
- Galanina L.K., 2005. Kubanskoye uzdechnoye snaryazheniye (po materialam Yelizavetinskogo kurgana, raskopannogo N.I. Veselovskim v 1913 g.) [Kuban Bridle Equipment (Based on Materials from the Elizavetinsky Burial Mound Excavated by N.I. Veselovsky in 1913)]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Papers of the State Hermitage Museum], iss. 37, pp. 97-108.
- Galanina L.K., 2010. Konskoye snaryazheniye iz kolleksii Yelizavetinskikh drevnostey, khranyashchikhsya v Gosudarstvennom Ermitazhe (raskopki N.I. Veselovskogo 1914, 1915, 1917 gg.) [Horse Equipment from the Collection of Elizavetinskoe Antiquities Stored in the State Hermitage Museum (Excavations by N.I. Veselovsky in 1914, 1915, 1917)]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Papers of the State Hermitage Museum], iss. 38, pp. 108-122.
- Zhdanovsky A.M., 2006. Kurgan № 30 u aula Nacherziy [Kurgan no. 30 near the Village of Nacherziy]. Raev B.A., Bepaly G.E. *Kurgan skifskogo vremeni na gruntovom mogil'nike IV Novolabinskogo gorodishcha* [Kurgan of the Scythian Period on the Burial Ground IV of Novolabinskoye Settlement]. Rostov-on-Don, SSSC RAS, pp. 87-100.
- Ivanov A.V., 2010. Sindo-meotskiye mechi s tsilindricheskim navershiyem [Sindo-Meotian Swords with a Cylindrical Pommel]. *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov i kultur Severnogo Kavkaza. XXVI «Krupnovskiy chteniye»: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. po arkheologii Severnogo Kavkaza (g. Magas. 26–30 aprelya 2010 g.)* [Problems of Chronology and Periodization of Archaeological Sites and Cultures of the North Caucasus. XXVI “Krupnovsk Readings” on the Archeology of the North Caucasus. Magas. April 26-30, 2010. Abstracts of Reports of the International Scientific Conference]. Magas, Pilgrim Publ., pp. 146-149.
- Kerefov B.K., 1985. *Chegemskiy kurgan-kladbishche sarmatskogo vremeni. Arkheologicheskiye issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Chegem Burial Mound of the Sarmatian Period. Archaeological Research on New Buildings of Kabardino-Balkaria in 1972–1979]. Nalchik, Elbrus Publ., pp. 135-259.
- Kantorovich A.R., 2022. *Iskusstvo skifskogo zverinogo stilya Vostochnoy Yevropy. Klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya* [Art of the Scythian Animal Style of Eastern Europe. Classification, Typology, Chronology, Evolution]. Moscow, MSU. Vol. 1. 431 p., vol. 2. 359 p.
- Kozenkova V.I., 1982. *Tipologiya i khronologicheskaya klassifikatsiya predmetov kobanskoy kul'tury. Vostochnyy variant* [Typology and Chronological Classification of Objects of the Koban Culture. Eastern variant]. Svod arkheologicheskikh istochnikov, iss. B2-5. Moscow, Nauka Publ. 176 p.

- Kropotov V.V., 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Fibulae of the Sarmatian Era]. Kiev, IANASU, ADEF-Ukraine Publ. 384 p.
- Kuznetsova E.A., Limberis N. Yu., Marchenko I.I., Monakhov S. Yu., 2022. Pogrebeniye s knidskimi amforami iz mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 [The Burial with Knidian Amphorae from the Burial Ground of Starokorsunskaya-2 Settlement]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheolgi* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 267, pp. 139-150.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2005. Khronologiya keramicheskikh kompleksov s antichnymi importami iz raskopok meotskikh mogil'nikov pravoberezh'ya Kubani [Chronology of Ceramic Complexes with Ancient Imports from Excavations of Meotian Burial Grounds on the Right Bank of the Kuban]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on Archaeology of the Kuban Region], iss. 5, Krasnodar, pp. 219-324.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2005a. Plastinchatyye nalobniki iz Prikuban'ya [Plate Forehead Pieces from the Kuban Region]. *Chetvortaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya. Tezisy i doklady* [Fourth Kuban Archaeological Conference. Theses and Reports]. Krasnodar, Symbolika Publ., pp. 162-166.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2006. Tipologiya i hronologiya meotskikh zheleznykh nakonechnikov kopiy iz pamyatnikov pravoberezh'ya Kubani [Typology and Chronology of Maeotian Iron Spearheads from Monuments of the Right Bank of the Kuban]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on Archaeology of the Kuban Region], iss. 6. Krasnodar, pp. 152-181.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2007. Raskopki mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 v 2006 g. [The Excavations of Burial Ground of Starokorsunskaya-2 Settlement in 2006]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on Archaeology of the Kuban Region], iss. 7. Krasnodar, pp. 70-150.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2012. Meotskie drotiki [The Maeotian Darts]. *Zoloto, kon' i chelovek. Sbornik statej k 60-letiyu A. V. Simonenko* [Gold, Horse and Man. Collection of Articles for the 60th Anniversary of A. V. Simonenko]. Kyiv, Skif Publ., pp. 411-415.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2016. Pogrebeniye so steklyannoy chashey iz mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 [A Burial with a Glass Bowl from the Cemetery of Starokorsun'skoe Gorodische no. 2]. *Arkheologicheskiye vesti* [Archaeological News], iss. 22, pp. 76-84.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2018. Boevye nozhi meotov [The Combat Knives of the Maeotians]. *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. XXX «Krupnovskiye chteniya»: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Karachayevsk, 22–29 aprelya 2018 g.)* [Caucasus in the System of Cultural Relations of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages. XXX “Krupnov Readings”. Materials of the International Scientific Conference. Karachayevsk, April 22–29, 2018]. Karachayevsk, pp. 221-223.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2019. Zheleznye udila so strogimi nasadkami iz meotskikh mogil'nikov Prikuban'ya [The Iron Bits with a Rigid Check-Devices from the Maeotian Burials of the Kuban River Region]. *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. – V v. n.e.): materialy X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). Proceedings of the 10th International Research Conference “The Aspects of Sarmatian Archeology and History”], vol. V. Simferopol', Salta LTD Publ., pp. 161-174.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2020. Khronologiya mechey s serpovidnym navershiyem iz meotskikh mogil'nikov [Chronology of Swords with a Crescent-Shaped Top from Maeotian Burial Grounds]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations], vol. 25, no. 4, pp. 89-103. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.9>
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2022. Kompleks konskoy uzdy iz meotskogo pogrebeniya na pravoberezh'e Kubani [Horse Bridle Assemblage from the Maeotian Burial on the Right Bank of the Kuban River]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 267-275. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.14>
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2023. O nekotorykh meotskikh importakh v rannesarmatskikh pogrebeniyakh [On Some Categories of Maeotian Imports in Early Sarmatian Burials]. *Regional'nyye osobennosti khronologii i periodizatsii savromatskoy i sarmatskikh kul'tur: materialy XI Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiyem «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii», posvyashch. pamyati A.S. Skripkina (g. Volgograd, 15–19 maya 2023 g.)* [Chronology and Periodization of the Sauromat and Sarmatian Cultures: Regional Features.

- Proceedings of the 11th All-Russian Scientific Conference with International Participation “Problems of Sarmatian Archeology and History” Dedicated to the Memory of Prof. Anatoly S. Skripkin, Volgograd, May 15–19, 2023]. Volgograd, VolSU, pp. 114-127.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2024. Vooruzhenie meotskih vsadnikov IV v. do n.e. (po materialam Prikubanskogo mogil'nika) [Armament of the Maeotian Horsemen of the 4th Century BC (Based on Materials from the Prikubansky Burial Ground)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 3, pp. 21-37. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.2>
- Lovpache N.G., 1985. Mogil'niki v ust'ye reki Psekupsa [Burial Grounds at the Mouth of the Psekups River]. *Voprosy arkheologii Adygei* [Issues of Archeology of Adygea]. Maykop, Adyge Research Institute of Economics, Language, Literature and History, pp. 16-64.
- Lunev M.Yu., 2010. Novyye pogrebeniya IV v. do n.e. iz mogil'nika na ul. Postovoy (Pochtovoy) [Recently Uncovered Burials of the 4th Century BC from the Cemetery on Postovaya (Pochtovaya) Street in Krasnodar]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus], vol. 14. Moscow, IA RAS, pp. 357-372.
- Maksimenko V.E., 1983. *Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu* [Sauromatians and Sarmatians on the Lower Don]. Rostov-on-Don, Rostov University. 224 p.
- Marchenko I.I., Limberis N.Yu., 2009. Plastinchatye konskie nalobniki iz Prikuban'ya [Lamellar Horse Foreheads from the Kuban Region]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], vol. 3, no. 39, pp. 69-74.
- Maslov V.E., 2019. Sindo-meotskiye mechi vs. akinaki (realii segodnyashnego dnya) [The Swords of Sindian-Maeotian Types vs. Akinakes: Current Realities]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 133-154.
- Mogilov A.D., 2010. «Strogiye» detali uzdy rannego zheleznogo veka [“Rigit” Details of an Early Iron Age Bridle]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 281-288.
- Monakhov S.Yu., 2003. *Grecheskiye amfory v Prichernomor'ye. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-ekportorov tovarov v keramicheskoy tare: katalog-opredelitel'* [Greek Amphorae in the Black Sea Region. Typology of Amphorae of Leading Centers-Exporters of Goods in Ceramic Containers. Catalogue-Identifier]. Moscow, Saratov, Kimmerida Publ., Saratov University. 680 p.
- Monakhov S.Yu., Marchenko I.I., Limberis N.Yu., Kuznetsova E.V., Churekova N.B., 2021. *Amfory Prikubanskogo nekropolya IV – nachala III v. do n.e. (iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika im. E.D. Felitsyna)* [Amphorae of the Prikubansky Necropolis of the 4th – Early 3rd Century BC (from the Collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn)]. Saratov, Volga Publ. 324 p.
- Monakhov S.Yu., Marchenko I.I., Limberis N.Yu., Kuznetsova E.V., Churekova N.B., 2022. *Amfory VII–I vv. do n.e. iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika im. Ye.D. Felitsyna* [Amphorae of the 7th – 1st Centuries BC from the Collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn]. Saratov, Amirit Publ. 304 p.
- Prokopenko Yu.A., 2016. Kompleksy predmetov konskoy upryazhi, detaley voinskogo shchita III – nachala II v. do n.e. i metallicheskikh sosudov kontsa I – II do n.e. iz rayona verkhov'yev r. Bol'shaya Laba [Complexes Objects Harness, Parts Military Shield from 3rd – Beginning of 2nd Century BC and Metal Vessels End 1st – 2nd c. AD from District Upper River Bolshaya Laba]. *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza* [From the History of the North Caucasian Peoples Cultural], iss. 8. Stavropol, Pechatny Dvor Publ., pp. 38-52.
- Prokopenko Yu.A., 2021. Nalobnyye i nashchochnyye plastiny konskogo ubora IV – nachala II v. do n.e. iz pamyatnikov Stavropol'skoy vozvyshennosti [Horse Frontlets and Cheek-Guards of the 4th – Early 2nd Centuries BC from Monuments of Stavropol Upland]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Materials on Archeology and History of the Ancient and Medieval Black Sea Region], no. 13. Ness Ziona, Cimmeria Publ., pp. 467-482.
- Prokopenko Yu.A., Rudnitsky R.R., 2023. «Stroganovskiy» kurgany na gore Zmeyka (yuzhnyye okrestnosti g. Mineral'nyye Vody) [Stroganovsky Mounds on Mount Zmeyka (Southern Environs of the City Mineralnye Vody)]. *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza* [From the Pistory of the North Caucasian Peoples Cultural], iss. 16. Stavropol, Moscow, Pechatny Dvor Publ., pp. 189-242.
- Rukavishnikova I.V., Yablonsky L.T., 2014. Issledovaniye kurgana 2 mogil'nika Filippovka 2 [The Researches of the Burial Mound 2 of the Burial Filippovka 2]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 118-133.
- Simonenko A.V., 2015. *Sarmatskiye vsadniki Severnogo Prichernomor'ya* [The Sarmatian Horsemen of North Pontic Region)]. Kyiv, Oleg Filyuk Publ. 466 p.

- Smirnov K.F., 1953. *Severskiy kurgan* [Seversky Kurgan]. Trudy GIM, vol. IX. Moscow, Goskultprosvetizdat. 42 p.
- Tuallagov A.A., 2007. *Severnyy Kavkaz: ot skifov do rannikh alan (istoriko-arkheologicheskiye ocherki)* [The North Caucasus: from the Scythians to the Early Alans (Historical and Archaeological Essays)]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research. 399 p.
- Erlikh V.R., 2011. *Svyatilishcha nekropolya Tenginskogo gorodishcha II, IV v. do n.e.* [The Shrines in the Necropolis of the 2nd Tenginskaya settlement 4th Century B.C.]. Moscow, Nauka Publ. 212 p.
- Erlich V.R., 2012. Ukrasheniya iz zolochonoy terrakoty v meotskikh pamyatnikakh Prikuban'ya (k probleme kul'turnykh kontaktov v ranneellinisticheskoye vremya) [Gilded Terracotta Ornaments in the Maeotian Monuments of the Kuban Region (Towards the Problem of Cultural Contacts in the Early Hellenistic Period)]. *Yevraziya v skifo-sarmatskoye vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoy* [Eurasia in the Scythian-Sarmatian Period. In Memory of Irina Ivanovna Gushchina]. Trudy GIM, iss. 191. Moscow, SHM, pp. 259-272.

Information About the Authors

Natalya Yu. Limberis, Senior Researcher, Scientific Research Institute of Archaeology, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, limberis2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>

Ivan I. Marchenko, Candidate of Sciences (History), Professor, Department of World History and International Relations, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>

Информация об авторах

Наталья Юрьевна Лимберис, старший научный сотрудник НИИ археологии, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, limberis2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>

Иван Иванович Марченко, кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>